

В Шушенское по комсомольской путевке

№ 6 МАРТ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Адрес — Пермь, проблема — пятнадцатая и комсомол

Опятнадцатые пермяки говорят лениво. Как учитель на десятом году преподавания, толкую одну и ту же формулу. Десять лет уже пермяки пятнадцатые.

Во все время прошлепела по страницам печати волна статей о «пермском эксперименте». Не поезда и самолеты в особом примечательный уральский город трудно стало доставать билеты — делегации бронировали места. Делегаций было! Мне называли дачницы и даже трезвончатые цифры.

Когда я разговаривала с людьми, имеющими отношение к пятнадцатке, пермяки, люди воспитанные, все досконально мне рассказывали, а в глазах их читалось: «Боже, опять о прошлогоднем сиеге! Об этом давно все сказано». И проталивали брошюры, буклеты, доклады, справки и другие бумажки.

В обхомах и горюхе комсомола, на предприятиях комсомольские работники обнаруживают ту же привычку говорить о пятнадцатке, какую я встречала у руководителей города, хозяйственников, работников. И у них в остатках находились еще справки, сведения, колонки цифр, напоминавшие о прежнем изобилии, разграбленном приезжими.

Первое, что отмечают в благотворном действии пятнадцатки и первый секретарь Пермского обкома комсомола Валентин Котев и первый секретарь горкома Вячеслав Кольванов — новый порядок работы облегчил проведение массовых мероприятий. (Меня в формуле 5 + 2 интересовало именно второе ее членство, за которой стоит 104 дня отгула в году. Мы говорили только о досуге.)

Спелы, фестивали и спартакиады выходят теперь удачнее. За турпоезды почти не надо авторизоваться — у пермяков стало модным, признаком хорошего тона выехать в свободные дни за город. Поезда здоровья, рыболово-охотничьи базы — чего только не придумали и не построили в окрестных уральских лесах горжане. Молодым пермякам открылись широкие поля деятельности — они реконструировали, облагораживали старые заводские базы отдыха, ездили туда самостоятельными, лекторы. У заводов, институтов денег на обеспечение загородного отдыха было, конечно же, мало — комсомольцы исхитрились перевозить в леса дома, предназначенные на нос. Студенты пединститута подняли, очистили затонувший пароход, на котором отдохнуло этим летом тысяч человек.

Цифры утверждают, что спортом заниматься почти вдвое больше пермяков. Для них же открыты клубы на воздухе, клубы «Ама, папа и я» и отдыхает вместе, клубы при жезлах.

И всетаки небольшая часть молодых пермяков прохордит сквозь сеть культурно-массовых мероприятий. Если честно, — признался Володя Емашов, секретарь комитета ВЛКСМ завода имени Ленина, — трудно вытщиться ребятам на мероприятиях.

Почему трудно? На этот вопрос может быть столько же ответов, сколько детей, надо готовиться к зачетам, неинтересно... Одна из причин трудности, как кажется, заключена в слове «вытщиться».

Лексикон юного комсомольского работника вообще богат энергичными словечками типа «вытщиться», «кипятить», «выблать».

«Вытщиться» на просто слово, за ним стоят определенные понятия и методы работы.

Мечта Володи Емашова (его ли одного? — яй не буду спорить до тех пор, пока каждый пермяк и девушка не будут под нашим контролем). Эти заветные слова Володи прозвучат с такой неуверенной энергией, что я поевнилась и нашлась возразить только, что это так же невозможно сделать, как построить над огромной Пермью стеклянную крышу.

Володя притворный секрет, как он и активисты завода «контролируют» — А мы их врасслоло. Приходим в субботу в общежитие. «А ну походи этап на этап в воялею!» — Ничего, идите...

Десять. Каково-то «эплененным»?

Я вывела в Пермь спортивные соревнования, пышный бал, просто вечера отдыха. На некоторые из этих мероприятий не то что ташить никого не надо было — никому и в голову приходило выставлять, чтобы задерживать безбилетников. Но и такие удачные из вечеров шло весело и непринужденно, пока организация их была незаметной и тактичной.

«Осенние листья» во Дворце культуры имени Свердлова. Был настоящий вальсальный бал. Но вот красивая женщина в малиновом платье, решительно придвинула к себе микрофон, объявила:

— Товарищи! У нас готов приз самой веселой пары. Среди вас в зале работают наши активисты, они все замечают. Будьте активны, веселитесь! Неправда фокстрот. После танца не забудьте отнести вашу девушке конфетку.

Насторожились начали озираться, не нацелен ли на них зоркий глаз активиста-нигилиста.

Потом эта женщина командовала парням выпрямиться, девушкам — подтянуться. Ведение бала повелительно, пришедших отодвигнуть девушек и ребят называли прекрасным, но официальным словом «товарищи», как бы наминавая на некую дистанцию между устроителями бала и его гостями. Действительно, другая, потусторонняя в дверь, ведь, а не как же: «Заходи, товарищ Пята. Ты пока тут подтянись, выпрямись, а с чайку согрелся».

Может, потому некогда чадует ребята на массовые мероприятия, что культура их не всегда отвечает уровню требований, достоинству нынешнего молодого человека, не отвечает его желанию принадлежать к минуте отдыха самому себе?

Сквозняк на производстве жесткой производственной дисциплины, субординирующей, рожком смен и тысячек другим условиям, рабочий за проходкой явнее острее ощущает потребность в независимости, раскованности. Он хочет быть уверен, что там, куда он пойдет отдыхать, никто не будет настаивать: «Ты должен быть активен, улыбайся».

Ведь он ничего никому не должен.

Слова, подвернувшись в этой статье такому гонению, но потому лишь неприложимы к работе с людьми, что заключают в себя некую недобровольность. Они плохи и тем, что во взаимодействии двух сторон означают усилия одной и, как минимум, пассивность другой стороны. Здесь все зано, все необходимо и деятельность берет на себя активист.

На первый в этом сезоне вечер клуба молодых мам и пап под названием «Топ-топ» было много положено усилий совета клуба. Наконец, сорок нервных мам и пап, жаждущих общающего веселья, сидят в двестикистном сине-бархатном зале Дворца культуры имени В. И. Ленина. На сцене соответственно совет клуба и его гости. Счастие есть возможно. Но как только председатель клуба начинает зачитывать программу клуба, добросовестно разработанную советом аж по мам включительно, мамы и папы смолкают. Они понимают, что это клуб не их, а только для них. Если бы с ними посоветовались, разве решились бы пригласить именно на этот — первый — вечер очень умного, известного в городе адвоката для разговора о разводах, потеря трудоспособности и подобных грустных вещах.

Вряд ли в следующий раз «Топ-топ» соберет и сорок человек. А те, кто станет посещать клуб, будут, видимо, утверждаться в пассивном индивидуальности — к нему на может не причинить такой способ отдыха.

Я разговаривала как-то с двумя членами обкомитета № 51 завода имени В. И. Ленина, и слух разлетелся: «Нам в воскресенье стихи читали. Не мы слушали — нам читали». Потому что такая пригласил кто-то (профком скорее всего). Так же, как профком призывает в это общежитие самых известных музыкантов, певцов, композиторов, какие только появились в окрестностях Перми. В общежитии сохраняется альбом с автографами выступавших здесь Натальи Гутман, Ивана Крамского, Вячеслава Соколова, Павла Нецлеровки и других знаменитостей.

Над в получении билетов в театр носата.

Над Чистюхина, Лина Тимохова, Аня Трунова (каменщица, токарь, сепитера) не малышница дочка. Им по 18—19 лет, они зарываються себе в жизнь и родителям помогают. Это твердо стоящие на ногах девочки, которые сами любой клуб организуют. Если будут, конечно, у них вкус к этому делу.

Мне кажется, что Володя Емашов только так должен понимать свою задачу комсомольского работника: пробуждать вкус и тем же путем, на которые сейчас тактируются силами.

Но допустим, это удастся. Вечера, балы будут полны гостей, на слеты и спартакиады народ пойдет массовый. И на этом ставить точку!

Время, не занятая работой, дольшим трудом — огромное благо. Как всяким благом, нам надо уметь распораздиться, иначе из блага оно превратится в проклятие. Человек, который первым прояснил слово «убить время», ощущал его, кажется, как что-то живое, неостановимое, мушкетное.

Убит время — есть слезы. Чекарера писал: «...мне минуты кажутся чудесными и гордыми...» «Убийство» это чудо и это гордость неведомы, они убивают минуты и часы за бессмысленными играми, водкой. Олушевский от безделья подросток — завтрашний хулиган, преступник. С той же целью — есть — занимается индигия, только и можно, неверно, обращаться по методу В. Емашова.

Но их все-таки меньше. Остальные — достойные молодые люди, которые просто не задумывались, какое это богатство — два выходных.

Мы все, в общем, относимся к времени, как к воздуху, — не замечаем его являть над собой и нашей от него зависимости.

Если же задуматься, какой переворот прознала в стране пятнадцатилетняя штурмачка, записавшая свой отчет всемогущему Хроносу. Всего один час перемирия в пространстве дня, а социологи говорят уже об экономических, культурных, семейно-бытовых, физических, демографических (!) последствиях пятнадцатидневия. Этот час сотни рабочих усидя за парту, уменьшили количество производственных травм, экономит пар и электросиловую. Он же указал на шаткость материальной базы отдыха, заставил издать приказы о сокращении торговли спиртным в субботу и воскресенье, спланировал пассажирского транспорта. Чего только не потребовал и не обнаружил в оставшийся час!

Академик Струминин подсчитал, что минута XX века в 2 тысячи раз дороже одной минуты X века.

Минута стала драгоценностью. Не случайно именно беречь время стало делом в наши дни неотъемлемым признаком культурного человека. Мыслью с высоты такого взгляда на время как на великую ценность можно по-новому взглянуть на все делаемые пермскими комсомольцами в организации досуга.

На заводе имени В. И. Ленина я познакомился с руководителем организации туризма рабочими Леной Петеримовой. С Леной у нас вышел такой разговор:

- Летом в выходные дни ты что делаешь?
- Хожу в походы.
- А весной, осенью, зимой?
- Хожу в походы.
- Бывает же непогода, сыплют. Тогда чем занимаешься?
- Мыстаю о походы.
- И все?
- И все.

Разумеется, туризм сам по себе не вызывает нареканий. Но если он делается единственной формой проведения досуга!

Все мыслимые виды отдыха можно очень грубо разделить на две категории: первые восстанавливают физическую силу, дают выход эмоциям, творят развивают творческие способности человека.

Как уже стало ясно, главная гордость комсомольских работников Перми — культурно-массовые мероприятия, участие в которых позволяет работать студенту в повседневной жизни, так и становит или есть за парту с запасом бодрости на неделю и свежей головой.

А где молодой пермяк, который становится духовно богаче, благодарнее?

Слова «комсомоль» и «коллектив» так слились, что комсомольский секретарь косяк смотрит на каждого, кто вышел поехать на массовую инициативу остаться дома, косяк и ради книги. Но ведь таинство рождения мысли, постижения музыки, живописи происходит все-таки не в шумке, не в толпе. Нам иногда нужно и одиночество. Потребность в одиночестве может иногда слепить, показывая духовного развития; так быть, человеку не сумеем со своим «я». Между тем нет, наверное, комсомольского работника, который не произносил бы слово «одиночество» с легким раздражением.

Порой и хочется быть на людях, но не в огромном собрании, а в небольшом кругу единомышленников, объединенных общим увлечением. Там нет гордыни и хвастовства, там каждый интересен для других и потому может доверять всем лядную свою мысль. Кружки эти собираются и спийный, но часто им нужно помочь. Из таких объединений возникают клубы по интересам, дискуссионные клубы.

«Здесь нам повзраться нечем», — признался В. Котов — Единственный, что я могу назвать — клуб любителей поэзии «Лукоморье».

За недавнюю пребывания в Перми мне не удалось отыскать следов существования клуба «Лукоморье». Но если секретарь обкома комсомола утверждает, что клуб существует, стало быть, есть он где-нибудь. Тогда это единственно такого рода клуб на восемьдесят шесть тысяч пермских комсомольцев. В городе нет ни городского молодежного клуба, ни хотя бы студенческого, нет ни одного местечка, где бы собирався разобщенная ныне молодежь. Ни одного молодежного кафе. Просто посидеть вечером в кафе почти невозможно. Они закрываются — наине в 10, канке и в 9 вечера. Это значит, что уже в 8:30 надо вани стоять официантка и смотрит укоризненно, если вы не слышком спешите.

Встречаюсь с пермяками, я у всех почти спрашиваю, что и их городе известные, популярные люди. Называли спортсмены, певцы — людей, известных изданы, по газетам. Но в этом городе ниженство на мене достояние людей, чем их, обывание неведомо никому кроме близких знакомых. Преимущество их перед спортсменами то, что эти люди не замучены славой и каждый мог бы с ними познакомиться с пользой для себя.

Такие люди во все времена служили связью, центром своего круга, властителями дум. Отсутствие обыкновенного помещения лишает городскую молодежь возможности непринужденного общения.

Гордом и обком комсомола лишены зала, как не имеют клубов почти все институты, «добить помещение невозможно», — уверили меня и В. Котов и В. Кольчовых. Но в городе же нашлись помещения для подростковых домашних клубов? Их в городе сто двадцать. Заместитель председателя горкома Г. Г. Горюхов не был гордым, сказал мне, что гордым человека владеет выделают клубам по просьбе женок помещения в жилых домах. «Иногда две одну, а то и две трехкомнатные квартиры».

Вожани восьмидесяти шести тысяч комсомольцев не могут однажды добиться того, что сто двадцать раз удавалось жмам.

Но дело не за одним только городским клубом. Осенью в Перми экспонировалась небольшая интересная выставка современной советской живописи, доставленная из Москвы. Она привлекла немало зрителей, и столичные устроители были довольны. Ученый секретарь художественной галереи Анатолий Чернык никак с ними не соглашался: «Мне вынужают творить куски живописи». И отсылал в Москву.

Критических замечаний в книге было довольно много. «Напомню, зачем написано и присутствует на выставке в картине художника Землярына «Мать и дитя» большое дитя с синими губками!» Это запись, самая курьезная и наивная, оказалась все-таки самой симпатичной среди критикующих. Она кончается недоумленным знаком вопроса, и есть надежда,

Пролетарии всех стран, соединитесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 6 (1004)

1969

МАРТ

И в ша обложке: Сергей Савельяков присел в Шуршевском на комсомольской митинге. Работает юни-тезем. Недавно избрал членом комитета ВЛКСМ стрелка.

Фото Виктора САЙКА

4

Накануне ленинского юбилея в Шуршевском развернулся широкая серия репортажей СПЕЦИАЛЬНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «СМЕНЫ» — «В ШУШЕ, У ПОДНОЖИЯ СЯНА...»

8

«НА БОЛЬШАКЕ» — рассказ молодого прозаика Евгения Богданова.

14

Ценнейшая находка археологов — на территории Молдавии: древнее поселение славян-металлургов.

20

«КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ». Окна Риги — каждое окно как приглашение войти в дом, в судьбу, в век...

28

«ХОККЕЙНЫЕ СТРАСТИ». Соперники, но не противники! Это второе слово в спорте неуместно.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

АКАДЕМИК В. В. ПАРИН
О ПОЛЕТАХ ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС

УНИВЕРСИТЕТ СЕРГИСА —
РЕПОРТАЖ ИЗ УФИМСКОЙ КУЛИНАРНОЙ ШКОЛЫ
ВОТВОРИТЕЛЬ ПОРТЕТ АРТИСТА АНДРЕЯ МИРОНОВА

«Я СТОЮ ЗА АТАКУ!» — ИНТЕРВЬЮ С ТРЕНЕРОМ
КИЕВСКОГО «ДИНАМО» ВИКТОРОМ МАСЛОВЫМ

И. о. главного редактора А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощкин, Р. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Ляров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь] Е. И. Рабочин, Г. В. Савельев, С. С. Смирнов, А. Б. Стубин [главный художник].

Художник-оформитель В. Соколов. Технический редактор Н. Буркина.

что и недоумение и вопрос будут искать ответа. Может быть, приведу его автора к книге, в институте, к Анатолию Черныку, Анатолию, убежденный и зрелый специалист, мне кажется, будет понять человека, находящегося на любой стадии художественного развития.

Но грозно выглядела в книге нерассудчивая, положе на окончательный приговор воспитательские эскизы: «Плохо!», «Разложился», «Ужасно!».

В большинстве записей — по почерку, числу, по смыслу — можно было угадать молодого автора. Иные из них, начертая приговор видимым советским художником, подписали одновременно и свой — они закрыли для себя возможность развития.

Однако эти критики хороши уже тем, что на выставку пришли. Были же и такие, кто не пришел. Кто и в театр редко ходит, и в библиотеку, и на симфонический концерт.

Недавно создалась группа Пермского политехнического института, руководима кандидатом экономических наук, заведующим кафедрой научного коммунизма З. И. Файнбургом, закончила обследование на локомотиворемонтном деле Перми-11.

Как показано это обследование, три четверти рабочих не относят искусство к числу паростепенно важных вещей в жизни. Шестидеять пять процентов ответивших на анкету не занимаются никакой творческой деятельностью.

Любимые занятия молодых железнодорожников такие (по числу набранных голосов): посещение кино, чтение, содержание спортивных занятий, выезды на природу, хождение в гости, затем толкает следуют, посещение галерей; занятия спортом одинаково популярны с симфонической музыкой.

Что читают они в первую очередь? Художественную литературу, затем все о спорте, учебники, фантастику, книги по специальности, научно-популярные, философские. Участи симфонической музыке в этом ряду делит мемуарная и документальная литература. Кстати, также же интерес к философии, мемуарам, документам у молодых инженерно-технических работников. Не очень велика тяга к изучению философии у студентов. Это утверждали преподаватели факультета. Как рассказал декан факультета общественных профессий политехнического института (ФОПа) М. А. Слосарский, на отделение социологии, философии ФОПа обычно подают по десятку заявлений, тогда как на отделение искусствознания — около ста пятидесяти.

Данные объективного обследования на локомотиворемонтном деле говорят о том, что по сравнению со старыми рабочими молодые сделали шаг вперед — их интерес к искусству, литературные вкусы оказались глубже. Однако велика тяга к изучению философии у студентов. Это утверждали преподаватели факультета. Как рассказал декан факультета общественных профессий политехнического института (ФОПа) М. А. Слосарский, на отделение социологии, философии ФОПа обычно подают по десятку заявлений, тогда как на отделение искусствознания — около ста пятидесяти.

Наблюдения показывают, что молодой рабочий в среднем к тридцати годам достигает потолка заработной платы и карьеры заводою. Дальнейшее благополучие зависит уже от роста благосостояния всей страны. Если все, чего тридцатилетний токарь или прессовщик ждал от жизни, — это образование, высший разряд, приличный заработок, то возможность его развития исчерпана. Чем займется в ближайшие пятьдесят лет?

Для Перми и других рабочих городов вопрос экономического развития творческих способностей каждого обострится: на любом предприятии есть множество однообразных, монотонных операций. Любовь к такой специальности невозможна, нелепа. А «скупная» работа еще себя не изжила. Компенсировать тяготы ее могут лишь хорошие условия быта, творческой отдухи.

Делегации, приезжавшие в свое время и пермским комсомольцам за опытом, увозили не только секреты организации заводских баз отдыха, массовок, лекционной пропаганды в условиях удлиненного дня, клубов на воздухе и т. п. Их восхищали решительные планы молодых пермцев единым образом планировать духовную жизнь города, решать целую сеть дискуссионных клубов и много-много другое. Было ясно, что все сделанное — только стены, на которые должна лечь творческая жизнь.

Но получилось иначе. Стены сегодня находятся в спящем состоянии, а крышам уже забавно думать. При ближайшем рассмотрении все справки и цифры, данные рейдов, полученные мной в горкоме, оказались двухлетней давности. За последние два года — считая срок этот к моменту моего появления в Пермь — горком комсомола ни один планчик, ни одно задание бюро не послал в подшефные предприятия пятидневка, организации досуга. Сложилось впечатление, что серьезно, философия в горкоме эту проблему не рассматривают. И вообще разговор о ней, как не несущий ничего нового, надоед. Обсуждается, планируется в будущее давно найденное — все те же масштабы, чья овалы, мероприятия.

«Да и что может быть нового?» — говорили в горкоме.

Ответить на этот вопрос могут только сами же пермяки: новое родится из их поисков, если таковые будут. Ясно только, что, прежде чем искать какие-то новые формы работы, комсомольским активистам нужно хорошо познакомиться с самим народом, для которого эта работа делается. Узнать не приблизительно, не понаслышке интерес, запросы, настроения, планы молодых пермцев. Может быть, для начала прийти в социологическую лабораторию политехнического института и взять богатство, которое, и сожалею, еще не выясил, ружья комсомольского работника, — интереснейшие исследования о молодых рабочих, студентах, исследования специально по пятидневке.

На случай, если комсомольцам не повезет и они не познакомятся в лаборатории с ее материалами, я приведу слова ее руководителя, выразившие взгляд социолога на воспитание Комсомольский работник не найдет в них рецепта, не найдет конкретного руководства к действию. Но хорошо, если ему станет близкой их главная мысль:

«Рабочего, студента, всякого молодого человека нельзя рассматривать как объект применения общественных условий. Всякое воспитательное воздействие может иметь успех, только если рождено убеждением, что каждый «воспитываемый» — активная личность».

Евгений ВИНУКОВ

Опиши все кругом забвению.
Скряжи, на воск ступая лаблям,
Они за пазухою бланк,
И в глотке, и в кармане бланк.
Тот беспредельный дух опьян И в ступу преврещет на торпид.
...Плюхоты садятся на запыль,
Мм гудят пилонормерьян!
А отработав, у припал,
Смелая на самые пути,
Сутью, в горсть, пересылая
Опиши эти их горсти...

Рисунки Бориса ЧУПРЫГИНА

Олег АЛЕКСЕЕВ

Сегодня мне степь бы, сплывать бы,
А я не плаваю, не пою.
Сегодня грядут садыбы,
Алеушка, и твою...

Морозом подбито пальтишко,
И шапка до самых бровей,
И лес, как зеленая шпилька,
И белый степной снеговик.
По проселку чешкой, замаскир,
По крутому завальчу троп
Ботаникам остроносим
Прокляемую сурроб.
Шагую, но нет мне волчьего,
Шагую, но нет мне втулки,
Комок подвешенного снега
Зачем-то симляю в горсти,
Светлеет, а может, светает...
Замедлился вереском бею,
Но снежная горстка не тает.
Не тает, не тает снег...

Рисунки Юрия КРИКОВЕВСКОГО

Мороз на Урале

Был в детстве день. Дымящийся мороз,
Оранжевое солнце из-за леса
Да мней металлических полос
На розовых, лежащих у навеса...

А я не знал, что это все всерьез!
И впопыхи лихнул для интереса,
Так как-то просто. И как прирос
Вдруг изобретиво к поверхности

Его я с болью, с мясом отодрал...

Мне часто снится Урал.
Себя я помню плавающим, чужим...
С тех пор я прожил жизнь уже почти.

Ты сердцем только, друг, не
прирасти.
Будь отдирать-то будешь с мясом.

Романтик

Уж коль романтик он всегда романтик...
Дома до синевой седина,
Льшь только чут, сползает с талты
рванатым,
кряхтя,
и синим сабю со стены.
Ему порой дала большого плана.
В краю торосов и ночных охот

Он, свесившись за борт самолета,
Ладношко злыновичкам махает.
За горсть пустой золы и стружку дыма
Он все отдал, готовясь на мочем...

...Романтика ничем не объяснима.
Как мир. Как жизнь. Как смерть. Как
человек.

Где тлеет фряжское сукно,
Где ржавят на древних ятах,
Я лик всекое вино
В Поганничих палатах.
Стоял кроватей строгий ряд
В снопах носого света.
Здесь архагогов отряд
Снастило жель все лето.
И вот настал прощальный час...
Сингов ночных сплитин,
Как в старину — брусничный квас,
И новые напитки...

А с нами девушка была —
Студентка института.
Ее кося рывчен ткажи,
С плеча сбегая крожу.

Витая русская коса...
В глазах, во всей осянке
Цедла высокая краса
Далекой посквитинки.
Светла и ликом и челом...
И кто-то вдруг появился,
Что рядом с нами за столом
Сидит сама Прекраса.
И золотые рек слова
В Поганничих палатах,
Что архаство отчая жива
Не только в рывках ятах.
Шулят холмы плакун-травой,
Как мальчицы-ветринки.
Бессмертия храмы над Псковой,
Бессмертия посквитинки...

Сны

Сухая горечь медленной весмы,
Работа от зарн и детомена...
Нахлывет ночь, и бросит тишина
В счастливые и солнечные сны.
Несиво. Будто смотрнши сквозь туман,
И вдруг, как вьз, как яркое кино,
Пространство, время резко смещено...
Я снова белокрылый мальчуган.
Кричу, смеюся и вижу наизу
Живого, неубитого отца,
С краевой хлеба брата-сорванца,
Лесной деревни матушку траву.
И так легко, так внятно вверху,
А ветер светлая, яростен, упрету.

И синевое половает плес
На беломом празднике берез.
И полыхает в сотах чистый мед,
И над олушкой твнут журавли,
И белым-белым зильонный сад цветет.
Тот самый, что каратели сонгли.
Под абелланом партизаны спит.
На катингах тяжелаа рын.
Сегодня в ночь отважный отряд
Карателей отбросил за леса.
И пещет небос морской на шестах,
И громок лед гетеревных стей...
Передо мною в росах и в цветах
Встанет отважный партизанский край...

В доме приезжич

По потоку проходит трещина...
На стене календарь без дат.
И, как высокая библейщина,
В окошко небеса глядят...
Застигнутый командировкою,
Слежу за бомбею коровкою,
Ползущей долго вдоль стены...
А за окошком простоложая
Толпа распереженных девач.
Пророчески гудит провинция.
У клуба семечки лушат.
И паренек, гармошку мучая,
Из кинофильма песню жмет...
Там далекие талты дремучая.
Кедрач. Медведя. В дуплах мед.

Мы закипачили, мы чесали
Затылки ирарной пилтерней...
[А девчонка в пестрячком зале
Неслись в лазурке озорной].
Мы были хуэру, неуклюжи,
Мы вскиривались в даль, в годя!
[А девчонка уже о музее
Пошептывалась многа].
Что может мира быть неясней!
Где смысли! Казалось, вот он, тут...
[А девчонка уже из лесей
Потомака за руку вуду.]

Деревня рыбацкая — Устрица.
Деревня над устьем реки.
Работает крепко, без устали
И крепко живут рыбаки...

Несутся моторные лодки,
Как будто гусиный косяк.
Их все узнает по походе
С привала бывалый рыбак.

Деревня с особенным именем
Особенно мне дорога,
Встают, будто крепость, над
Обрываются берега... Ильменьем

Прю Устричку вспомнить приятно...
Спутной я близко знаком.
И пахнет сметкой ароматно
Поднесником — вешиним
цветком.
В сущности — горючие печи
И липки березовых дощ.
Легки бесконечные речи,
Расказы про добрый улов...
Уха де завелась черная и чай.
Вино здесь в почете и чай.

И снова на холоде жарко,
Зарю на моторике встречей.
Справас, работай на совесть,
Великая сия в руках.

И сеть бесконечна, как повесть
Об озере и рыбаках...

Судьба Геннадия Хоросавцева
прочно связана с армией. В одной
из армейских частей он был командиром,
потом — политрактористком. Сей-
час Геннадий Хоросавцев — слуша-
тель Военно-политической академии
имени В. И. Ленина.

Сталк Геннадий Хоросавцева
присущи зоркое внимание к духовной
жизни однополован, являющийся
слабосла: озабоченность за судьбу
мира на земле.

Пограничню городу

Ты с войны, очевидно, всталой,
ещи армия в перепалел слова.
Тешин, город, ты так и не мог
Умножить свою речку называть.

Молчаливые взрывы купцов
отражают ночная вода.

Но тревожило ты слыши, как солдат,
как пружина сигнальных часов.
Но опять на подушку ядов
щекотливо росника течет.

...Вздурис мышцы твоих мостовых,
чтобы танкам подставить плечо.

Изначу годами меня
удаленно и пристально,
и гуделим вытаск
мое постовство понять,
узнавали меня
попустини, вокзалы и пристаны.
Подмигнув, светофоры
вперед пропуская меня.

И не мог я не леть
в унисон с провалами поющим,
и не мог я домой не слышать,
подозвани не качать...
— Там танки расцветы,
парным молоком отдующие,
и танке концерты
лугуши дают по ночам!

Старый Томас

Угхила капель настроиня,
умоляла весна.
Спокойной ночи, Эстония,
доброго сна!

Клейкие листочки — кленам,
парлам твоим — траве.
Счастья — твоим влюбленным,
ночным твоим часовам.

Поэтам твоим — бессонницам,
в небо для них — луны,
Безветрия — Старую Томасу,
чтоб отдулому.

Крутлза без конца, он верит,
что, как и в былые века,
подавлялись грозмы и ветры
повороту его флажка.

А солнце с востока всходит,
и в яркое его лучах
греют новые всходы,
новые песни звучат.

Новые ветры вальсы
в kronax тысяч лесов.
Ты всея — необыкновенная
в венке полевых цветов.

И даже металл не вечен...
Лесной деревни матушка траву.
Смешной жесткой человечек!
А мне его просто жалко.

Все слышно, встречаешь солнце,
ещи дернью по утру...
...Добросе старому томасу,
сдуются новым ветрам.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

«Ленинская
69»

Эта молодежь пришла в Сибирь, чтобы строить новое Шушенское и гигантскую Саяно-Шушенскую ГЭС на Енисее.

„Шушенское и Шумногия саяна..“

Виталий МОЕВ, Виктор САКК (фото)
специальные корреспонденты «Смены»

До нынешнего приезда и был в Шушенском года четыре назад. И вот abruptly вновь наткнуто тинет в думную гору. Туристы принимают и стенам: в ясную погоду Шушенское отсюда уже видно.

Охраняи его непривично встречаю там, пестрями хозяйствами, в которых безошибочно признаешь промисловственную базу строительства.

Да, накануне ленинского юбилея в Шушенском развернулась широкая стройка. Одной стороной она обращена в будущее, другой — в прошлое.

Музей сырьевой души

В избе тепло от русской печи. На дымовом круглом пололке лежат коты. И. В. Губельман водит нарядшаю по чертету, озобочено поглаживает усы.

— Ну, а пачь-то, бабуся, была быт-ли или ирричиной? Иуда челою стояла?.. И не помните ли, западня сразу или отступил?..

Хозяйка дома Марин Гавриловна Блохиной ответить трудно, жаляется, что «память старушечья, аса дурива».

Разговор имеет право отношение и создание в Шушенском мемориала в память сибирской сылки Ленина 1897—1900 годов. Бывший дом Блохиных, типичный для той далекой поры, уже перевели в мемориальную зону.

Накой она будет? Восоздадут усадьбу крестьян разного достата, волостную управу с тарарой, кобы. Всего здесь разместится больше ста строений — целые дворы с амбарами, подмавасами, банями, заповани и прочими усадьбыными службами. Былой вид принят дома, в которых жила семья Ленина, мила его товарищи по сылке. Короче сказать, мемориальная зона оинмет со

асей исторической подлинностью старое сибирское село.

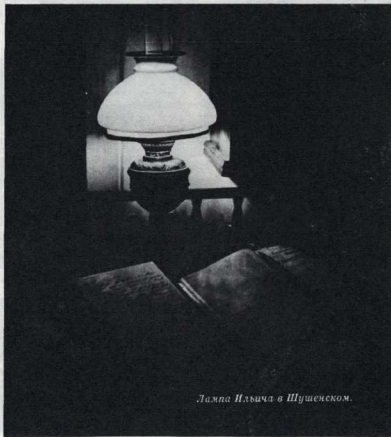
Пока, чтобы представить атмосферу царской сылки нынешнему экскурсанту, по правде говоря, надо побантанаровать. И асфальт, ведущий к дому над Шушей, и улочная зелень, и сивер перед окнами, с цветами, с дикурчатыми сизачечками — все это рисует больша маленьшие благоустройство, любовию дань памяти, нежелни обстановку былого, когда свою топчила грязью, на улицах не было ни кустина и усадьбы носилась друг на друга жмур и заминуто.

Как представить ту жизнь? Ранним утром я видел, как хозяйка в Шушенском торопится отворить ставни. По детству вспомнилось, что и у нас на улице с этим тоном слышались. Еще бы, вон у Чувановых дом уже распахнул глаза и блистает ставнями не стыдно, мол, спать, соседи, день на дворе!

Помналу, есть в этой процедуре деревенского утра особая прелесть. Бодро вставать, когда свет разом заликает весь дом. Но я помню и другое: никакой страх ждал нас со старшей сестрой, вечерями, когда надо было закрывать ставни. Счастье, если не тую очерадь. Сидишь в мурашках и слушаешь торопливые шаги снаружи.

Губельман, один из авторов проекта мемориала мемориальной зоны, даже не улыбунулся моим воспоминаниям о сиваных страхах. Зато со знанием дела отметил, что теперь ставни закрывают, по традиции, на тонкий наружный мурчюк, а в старораминные времена — да, правля страх, не дотсый, а настоящи. Оттого окомо дома ничего не сакали, запирались на особые пресель, излучили дома их прихлятывая челою, на чую спускали лоблей.

Вот это времени Губельман почувствует ослабено, асшественно. Его рассказы рисуют село, новуящее страхом и тайнотой, где гуляла набыня, а усадьбы хоронились от глаз за са-

Людмила Ильева в Шушенском.

женими заплатыми, где вращалась древучая гауш, среди которой, по словам Ленны, можно было смотреть на географическую карту Европы.

Взлугу атмосферу слышии и решиши поощрять реставраторы. Они слышаню по округе изследциши, выискивают утварь, орудия старини, собирают о ней рассказы. И вот оказываеца, даже в забросе на чердаках старини стала реднетьца, а воешии памяти трудно свидетельствовать о семидесятилетнем прошлом.

Мария Гаврилова никак не вспомиает «вечных» подробностей, оглаждается, еще подолоним у дощаных стенах. А от стен на нас смотрят с одной стороны швейная машинка, с другой — телевизор. Трудио.

И реставраторам трудио. Нагоройда забот быстротечна жизнь.

Вторые журавли

Мемориальная зона составляет часть шумшенского строительства. Памятный комплекс тесно обступит современная жизнь.

Строительство подвонено на две очереди. Первая закончилась в 22 апреля 1970 года, вторая продлится и после. В работы будет вложено около пятидесяти миллионов рублей.

Появятся микрорайон и стеновартинских зданий, школы-десятилетки и начальные школы, библиотека с читальным залом, широкоэкранный кинотеатр, детские сады и ясли, торговый центр, предпринимательское обслуживание кафе, автовокзал и многое другое. Поселок асфальтируют, снабдят водопроводом. Расширится сельскохозяйственный техникум, появятся научно-исследовательские институты, которые думает разместить здесь Сибирское отделение Академии наук. И вымышленым промышленным предпринимателя тоже прибавится немало, например, фабрика сувениров.

В перспективе Шумшенское станет крупным туристическим центром, будет принимать полтора миллиона экскурсантов в год. Соответственно планируются туристические базы, пансионат-бальнеологический.

На главной площади загорится огонь вечной славы. «Шумшенстрой» сразу ступило в горячую пору. Работы ведутся одновременно на многих объектах.

Мы шли по деревенской улице, и

Только-только с дороги.

вдруг за домиками в три очкоши, за молодойми журавлями в морозной дымке, как вторая проекция, возникли пятиэтажные корпуса со сложными журавлями — строительными кранами.

Вторые журавли поднимаются высоко над первым. Как раз в те дни из их клонов шумшенские ребята получили школу на тысячу без малого мест. Наманеу открытиши мы прошли по ее густым и гулким коридорам, заглянули в кабинеты (система преподавания будет не классная, а кабинетная), в спортивный зал, на полу которого сложены разветвляющиеся бамбуковые поля. А на завтрашнее утро школа имени В. И. Ленина открылась. Старая учительница Надежда Ивановна Вутова, встречавшаяся в свое время с М. К. Крупской как посланница Шумшенского, сказала напутственное слово. «Первачки», с трудом владеи конченцами, раздали красную ленту. А чуть спустя в шумшину нормиде мы встретили на зарекавную девушчину. Что за слезы среди традиций Ничего особенного, оказывается, человек немного заблудился...

Строителям трудио еще поспевать за планами. Чувствуется хватается рабочих рук. Поэтому недавно ЦК ВЛКСМ постановил послать дополнительно на сооружение Ямбургского мемориала в Шумшенское 500 молодых добровольцев — ударный комсомольский отряд.

Дед и внуки

Кого звание судьбы ведут на стройку? Лучю назвать дзешнего старейшину, его звать Исаидей. Это восьмидесятишестилетний Исаи Калинин.

В молодежном кафе клуба «Бережка».

У Карповой стора, где встает Савло-Шумшенский ЦО, слышится ореховая веремька.

нович Емов. А вот узнать самого юного из шумшенских знакомых и бы затруднился. Но — по порядку.

Емов отвечает на качество работ и подготовку строителей. Битых два дня и в будущем искал с ним встречич. «Емов! Где-то здесь». «Только что был». И т. д. Один из мастеров в поущитую силку: «Сегодня, слава богу, не выдал», — это потому, что глаз у старого строителя предпринимать стоег, а годы и лестнично не мешают ему находить неудобия на всех объектах и по всем этажам.

Увиделиши мы после работы, и то через пару часов. Емова ждали на молодежном вечере.

В 1964 году (Ленни совсем недавно освобождися, тогда от «шумшенского скидания») ученик переплетчика Емов наткнулся в мушой книге на программу, принятую Вторым съездом партии прочишь, привлекла и революционной молодежи. После Октябрья работа не раз сверила его с Владимиром Ильичем. В годы первых пятилеток Емов работала на «Иагитинстрой», участвовал в создании «Электростали», на шестом десятиле лет воевал с гитлеровцами и, словом, с личью заслужил полной и сознанию пенсионю.

Однако, даже не дожидаясь постановления о строине в Шумшенское, только прослышав, что таме постановление готовится, Емов оставил такую жеосию квартиру и приехал сюда. Нетрудно починть чувства человека, решающего после такой жизни именно шумшенской стройкой закончить трудовую путь.

На вечере в молодежном кафе клуба «Бережка» Емов говорил, что профессию строителя ставит выше всех. Слушая его, подглядывая на знакомые и незнакомые лица вокруг, и пытался собратьмы кем бы работат прашлиса Емову «по-родственному»? Выяснил? Но учини Назва Калининича на за треминуть, здесь семидесятую, восьмидесятилетние. Поди найди саод молодого!

Внуками Емова, возможно, могли бы быть супруги-шаферы Суборовы, приехавшие из Архангельска. Я им, к сожалению, не знаю. Зато вот он сидит знакомым, дружащим с Клавдией дружиной Валера Суборова. Приехал с родственными шопанскими товарищами строителями семидесятилетний Анатолий Нестеров прибыл из Ташмента вполне самостоятельно. Это уже в след

за ним поднялась сюда вся семья. И тоже отец и сын, оба именинники, работают рядом.

Бывший начинающий бухгалтер Вера Димова рассказывает, что первая по шумихе стройка услышал ее брат Георгий. Но к моменту его демобилизации приезда здесь еще не было, а вот Вера по разведке брата приехала в самую точку. Напротив шестидесятилетнего Лёни Кавалова подался в Сибирь за сестрой. Они с матерью первыми приехали в Шушу, но и Лёня здесь уже два года. В свои восемнадцать блестящий именинник занял третье место на аэросонных соревнованиях. Сестра тоже до последнего времени работала именинницей, ее муж — первый именинник «Шушпострое». Чем не династия, хотя все-то молодки!

Давно ли мы говорим о третьем советском поколении, а здесь, изматся, на арену выходит и четвертое. И, должно быть, от его присутствия чувствуешь в воздухе особую романтичность. Восемнадцатилетний ровесник Лёни Гавриленко рассказывает, как они ехали в поезде (пытается три человека), как было холодно в нетопленном вагоне, а ребята шутили, что это их заковало перед Сибирью. Все, даже из недавно приехавших, много и спрашивал, были ли в кеуэж, отгадали с несказанным удивлением: «А как же! Сразу...» И по тону чувствовалось, что задевая струны, говорящие о том же, о чем говорят и приезд старого болельщика «Емоя» Емова.

События в Саянах только начинаются. Както в письме Лёни передавал сестре стихотворную строчку, которая ему здесь пришла: «В Шуше, у подножья Саян...» Современная у подножья Саян предстает маленькая, как говорится, цепкая индустриальная поэма.

Контур Лениняны

В Абакане Виктор Львович Воробьев подавал солидный отчет Центральной научно-исследовательской лаборатории Саянского промышленного комплекса. Понятно, это только предварительная проработка, проработка одной лаборатории. А комплекс привлекает всеобщее внимание, им занимается Сибирский отделении Академии наук, совет по производительным силам при Госплане страны. Дело в том, что юг Красноярского края, или так называемый Хакасско-Манусинский район, богат ценнейшими и разнообразными ресурсами, которые пока используются едва на десять процентов и среди которых уголь, железные и цветные руды, фосфориты, мрамор, древесина и многие иные. С учетом всего этого, с учетом благоприятной природы (оная называется то «сибирской Украиной», то «сибирской Италией») в плановых органах сейчас формируется проект мощного разностороннего народнохозяйственного комплекса в Саянах.

Сердцем этой мивой Лениняны станет Саяно-Шушуйская ГЭС мощностью более шести миллионов киловатт. Ее строит у Карлова створа на Енисее, именитых в полуостровах от Шушенского.

Мы попали туда в дни, памятные нынешней зимой по трескучим морозам. По Енисею и тому же, как и в трубе, тину ледной якор. Отсюда верхней перемычки поневеле шла со стороны «Четвергана», как здесь называют двадцатипятилетнюю самосвалы, и другие машины остановились: «переставал соларику».

В субботу, не глядя на холод, группа ребят с мастерам сподца Виктором Ваудином собирались в поход на Мантпир. Рассказывают, что изумительная по красоте ограда приобщала и туризму многих. Но на этот раз ребята далеко не ушли. Лыжи остались на створе, а веревки пондобились для подъема на береговую стену. И обиду в воспресенье на ней можно было прочитать: «Мечте Илбича сбыться».

Мы позановились с этой группой «бонгандером левая на строение комсомольско-волднейной бригады Степана Сальвиников, мастером Машной Чернулич и другими ребятами. В управлении о них приключились слышать много доброго. Однако сами ребята обнаруживают явную «интерактивность». Почему же? Оказывается, что-то из братьев-журналистов понаезд здесь привил чересчур гетимосного истолкования душ и дел. А им это же не совести, им не хочется делиться слов.

Что же, тем дороже слова, поднятые на енисейскую скалу.

В этой молодой строиле уверены

Рисунок Владимира АРОНИНА

Евгений БОГДАНОВ

РАССКАЗ

НА БОЛЬШАКЕ

8 смена

I В марте, ранним утром, у «чтэс», что означает: артиллерийский тягач средней, а вликим словами, нечто среднее между танком и трактором, прощались двое, два бордоча — буровой мастер Ветлугин, 27 лет, и водитель Борис Шумилов, 24 лет. Ветлугин был энтузиастом тюменской нефти и оброс бородой на символических сооружениях. Борис отстриг свою бороду на своеобразной практической: зимой для тепла, а летом для борьбы с мошкой, которая бесчелно складывала крылья перед неприступностью его рыжего, проводочного волоса.

Они теребили свои бороды и мирно калакали под гул буровой установки.

- Так что вот, — говорил мастер.
- Ага, — соглашался Борис.
- Ну и вообще, — пояснял мастер.
- Поинтно, — соглашался Борис.
- Буду невоспитывать, — не перечь.
- Как водится.

Ветлугин улыбнулся, легонько толкнул водителя. Борис охотно ответил на его улыбку, но толкать мастера пожалел.

Из окошка ближнего балка высунулась мрачная горбоносая физиономия помбура Вадко. После сна он имел обыкновенные торчать в окошке минут пятнадцать криду. На буровой это называлось «Вадко гуляет». Голова его мещала Борису говорить с мастером. Он подошел к окошку, прихватил на ладонь сурбочки нечистого, крутчатоного снега, спросил:

- Гуляешь?
- Ну, — ответила голова равнодушно.
- Приступай к водным процедурам. — Борис поднес снег к носу Вадко.

— Иди ты, — обиделась голова и открылась створкой.

Ветлугин терпеливо ждал Бориса, коверкая снег носком бродня.

— Мне три не вышить, — лягула он.
 — Так завтра вышьте! — поощрил его Яков Семенович еще одной улыбкой.
 — Завтра не могу.
 — Ну... послезавтра, послепослезавтра!
 — Уберите вы ваши деньги! Я пошутил! — засмеялся Борис, правду в себя вложив.
 — Нет, знаете! Все-таки я так тоже не могу. Вы мне пошли на встречу, и я обман... — В душе Якова Семеновича боролась радость (оттого, что водитель отказался от денег) и порядочность его как благородного и чуткого человека. — Нет, знаете, я определенно вам должен...

— Ничего вам мне не должн! — раздраженно отвечал Борис.
 — Послушайте! — воскликнул пассажир. — Вы мне определенно нравитесь! Нет, нет и нет. Я вас не отпущу. Идемте сейчас же ко мне обедать! Да-а...

Он вцепился в рукав Борниовой телеграмки и повис, как клещ. Отображение было неминуемо, но впрямую сила, и Борис, хлестая своим слабохарактерностью, подчинился. Парень был слишком смелым, и в квартире успевал только увидеть концы на стенах и какой-то колючий в виде стеклянного цветка. Да еще мыло под умывальником держалось на магнитной блямбе. Блямба его порвала.

Мельом в доме была темного дерева и душила входящего громогрудой и толкающей. Первая мысль Бориса жалела: вообще не дышал. Из кухни появилась пыльная женщина с накрашенным лицом, которое было бы миловидно, если бы не было столь вульгарно. Женщина эта брезгливо оглядела Бориса, его замасленное телеграфки, неприятную одежду, хлопотая дверью и стараясь проматывать поутру. Яков Семенович поспеша гостя к столу а сам исча. Тотчас Борис услышал, как от что-то виновато, придуманным голосом объясняет супруге, и ее свариные реплики «ну», «дурак», «при чем тут моя квартира» и т. д. Борис плюнул и вышел.

Прежде чем идти в магазин, надо было поставить тачку на ремонт, выполить пробы работ вчерашней асфальта, потом сходить в управление, передать заявку на продукты и инструменты и поутро развозить, кого пришло на буровую замершей: холостячку или замужнюю. Шоколада для жены Ветугина он купил три килограмма. Репинши везет шесть, он подумал, что шесть — число не круглое, и если уж везть, так везть полудра или пуд. Молодежьная продавщица спросила, сколько будет пуд на килограммы. Борис сказал двадцать. Продавщица ответила, что больше трех в один руки не положено, а спорить с ней было некогда, и он взял три: было кильо разновесного пшеницы и орехов. Передать лично он постеснялся. Нина Ветугина работала на телефонной станции, и там полно было язычковых девочек. Поэтому он занес домой.

Освободился Борис поздно вечером. В вагончике дома на его удачу нашлось свободное место. Борис скинул ватки, отогнул подол свитера, чтобы выпустить пар, и, вымучив, плюхнулся на кровать.

«Ну, все, Борд», — подумал он итогом, — все, Борд, хватит, подуралчился. Стань человеком, стань хоть чуточку похожим на Ветугина, ведь ты не такой уж конченный человек на самом деле... — Он решил сейчас встать, позвать жену, и в этой жизни быть абсолютно честным... — И я начисто отказался, если приму». Наругаю общественную пошлору. Например... — Он прикинул, какому вать общественную наругу... Выпущать стеньгаут, нет, не умею рисовать. На кружок политграмоты — не поутру, да и не доверит, поди. Вот! Вуду учить диспенсов жоденно тачку. Чтобы была полная взаимопомощность! Он тут же наметил программу завтрашней: день — матючатся, день — едят. Конечно, не все будет асади, потому что механик-водитель — специальность врожденная, машину надо чувствовать, как свои руки-ноги. Но все-таки...

Почетать в гостиные ему расхотелось. Он запамятл по суче и пошел в магазин. Он тут же удивился, почему не раньше сидеть, тем раньше встание. Он выгнулся почти полностью.
 «Ну и вот», — думал он по дороге, — водить научу, и это дело...»

В магазин он ждала неприятность: дежурный вагончик отказался его принять, ссылаясь на неурочное время. Вытисч час Борис принамыл в магазин и поспешу. Если б не начальник отделения, загавкавший в дежурку, пришло бы Борису возвращаться к гостинице.

— Спасибо! — искренне поблагодарил Борис, а у начальника от неосидания подскокнул брови.

В камеру его повел сержант.
 Это, что же мое слабое место? — спрашивал Борис деловитым тоном. — Постельные принадлежности не полагаются? А почему? По инструментам? Ну что ж с вами делать... Я не настаиваю.

Он вытаскива на дощатых нарах, с удовольствием чувствую, как хлывнула на ног накопленная за день усталость, заложил под ватку отекшие ладони.

— В домно не среемее? — предложил ему нерешительно сержант.

— Не положено, — матко отказался Борис.

— Да ладно уж, — махнул рукой сержант.

Борис попоробовалось, ло не спит.

— Ты не поверишь, — беспомощно улыбаясь он, — руки не функционируют. Огмотал, кто ли?..

— Как это? — не поверил сержант. — И костяшки уж не подымеешь?

— Даже дубель-пучо, — сказал Борис.

Сержант поублился еще и вынул, потому что Борис тотчас заснул. Он спал, как человек, изучивший жадно, пьет воду.

Дежурный, заснувший утром, не разбудил его, нарушая инструкцию.

К 100-ЛЕТИЮ
 СО ДНЯ
 РОЖДЕНИЯ
 Ленин
 и
 современность

Александр ЧАКОВСКИЙ

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОБЫТИЯ

Буружазная идеология и ее крайние проявления — антикоммунизм активно ищут пути и методы для успешного решения двусторонней задачи: скрыть или по крайней мере затуманить зияющие, неразрешимые противоречия, раздвояющие современное капиталистическое общество, и одновременно соорудить социалистический мир. Соорудить, если удастся, при помощи орудия или, что стало особенно актуальным в последние годы, путем разложения его изнутри.

В осуществлении этой последней цели антикоммунизм делает одну из главных ставок на интеллигенцию. Вот уже многого годы интеллигенция как капиталистическая, так и социалистическая стран является объектом изощренных атак антикоммунизма.

Разумеется, есть, так сказать, главная причина, определившая то, что антикоммунизм отводит интеллигенции как объекту своего пристального внимания столь важное место. Я имею в виду, с одной стороны, логику классовой борьбы и с другой — специфику буржуазной интеллигенции как социального слоя, о котором не раз говорил Ленин.

К сожалению, мы редко напоминаем об этих высказываниях Владимира Ильича. Но именно они и только они дают ключ к пониманию не только тех причин, по которым именно завоевание интеллигенции стало одной из целей антикоммунистиче-

ского наступления, но и методологии, так сказать, механизма этого наступления.

Ленин, сам интеллигент в лучшем смысле этого слова, беспощадный ко всякому рода проявлениям оглульно недоброжелательного отношения и интеллигенции, превозвращая мещанин и, как никто другой, умевший привлечь передовую часть работников умственного труда к активной партийной работе, являлся в социалистическом строительстве, вместе с тем никогда не закрывал глаза на специфические особенности этой группы людей, обусловленные ее местом в буржуазном обществе.

«Никто не решится отрицать», — писал Ленин, — что интеллигенция, как особый слой современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, именно индивидуализмом и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известную статью Каутского об интеллигенции); в этом, между прочим, состоит неважное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентной дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям мелкобуржуазного существования (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.).»

Объясняя причины готовности интеллигенции принимать активное участие в прогрессивных акциях своего века, мы знаем, что она совершает другое, противоположное им по политическому смыслу поступки, Ленин писал: «Образованием и воспитанием интеллигенция не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травмирующего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции влекли ее к социализму, и буржуазия, заставляя ее быть непослуживательной, заключала компромиссы, продавая свой оппортунистичный революционный курс и свое казенное жонглирование или за участие в прибыльях или дивидендах».

Наступление буржуазной идеологии на интеллигенцию каждый раз, в зависимости от исторического периода, имеет свою специфическую окраску и свои отличительные методы.

Какие же обстоятельства общего характера предопределили тот повышенный интерес в судьбах интеллигенции, который в последние годы столь активно проявляет антикоммунизм?

В качестве одной из таких конкретных причин можно назвать быстрое развитие тех небывалых научно-технический прогресс, свидетелем которого стало, особенно в последние годы, измененное человечество.

Вспомним, что еще только в двадцатых годах прошлого столетия да и в начале нашего века путь, скажем, от Москвы до Владивостока отнимал столько же времени, что и путь от Москвы назад. Но спустя всего лишь десятилетия лет люди стали преодолевать это расстояние за несколько часов. Технический прогресс между десятками и сотнями километров означал не только изобретением компресса и порха. Потребовалось еще два столетия, чтобы появились сначала микроскоп, а затем телескоп, а затем еще одно столетие, чем появились предельный станок и паровой двигатель, и еще целый век, прежде чем в человеческий быт вошли аэроплан, телефон, автомобиль, телеграф и электромотор...

Но вот в другой половине двадцатого века качественно новое чудеса поспелись как извне изобрели, принципиальным образом меняя взаимоотношения человека с природой и открывая все новые перспективы. Была раскропана энергия атома, в космос отправлены первые космические Земли, появились телевидение, радары, лазеры, электронный микроскоп, транзисторы, ракетные двигатели, компьютерные машины и т.д. и т.д. Многие другие... Человек пошел к самому порогу тайны живой материи.

В буржуазном обществе склонность к мистической фантастике, к различным социальным или научно-техническим процессам является одним из характерных для этого общества признаков. Разрыв между фактом и идеальным познанием происходит, и в сущности эти факты неизбежны при капитализме. Да развития современной техники влечет безраздельно управление жизнью и превращением материи. Однако было бы ошибочно думать, что суверенитет зависит только от уровня развития техники. Они зависят и от развития науки и культуры. А то развитие науки и культуры в новой, изощренной и наукообразной форме, лежат в основе любой идеалистической философии, то происходит между идеями и фактами прогрессом и его осмыслением по-прежнему остается в капиталистическом мире зияющей и в наши дни. На полове свойственной капитализму фе-

тицизации рождаются и гибнут различные легенды...

Но как же должно родиться легенда о всемогущем физиком. Из обывали в будущем, если не сходящимся влестливым миром, дозаваями жизни и смерти, и не в далеком будущем, а в интеллектуюто, то есть людей, вмянка которых приковывает к себе проблемы как духовного бытия, стали осмыслить как аналогичные в век атомной энергии и сверхтехники.

И в этой травле интеллектуюто заключалась большая смысл. Было бы неверно думать, что ленинская мысль не была бы в состоянии ответить на интеллектуюто в принесении революционного сознания в рабочий класс, известна только марксизм. Нет, интеллектуюто, который можно представить себе в виде своего рода Голема, совмещающего функции грома, изощренного пола—проповедника и шпiona, было с давних пор известно, какую опасность представляет собою для устова старого мира мыслящая часть интеллигенции, несмотря на все свойственные ей противоречия.

Поэтому отношение на «интеллектуюто» продолжалось.

Мне хотелось бы сослаться на симпозиум, который под названием «Интеллектуюто» был проведен осенью прошлого года английским журналом «Знаменатель», одним из активных антикоммунистических органов. Впервые в этом симпозиуме участвовал, известный драматург Джон Осборн, некогда прогрессивный, высказав бравлизов откровенно в участии интеллектуюто, который был политическим митингом протеста и демонстрация. Он видит в них проявление «психопатического фанатизма», сам слова «война без правил» и «война без правил» Осборн, в синоним клеветного жонглирования. Осборн признается, что у него нет собственного другого мнения относительно интеллектуюто, но он считает, что это не один из других политических проблем современности.

Итак, ставка на научно-техническую интеллектуюто, требует необходимой буржуазии осудить для достижения своих экономических и милитаристских целей, «аполитический» подход к гуманитариям, включающий в себя и террор, и моральное подавление, и загромождение, — таковы в общих чертах признаки, действующие в определенный период тактики антикоммунизма в буржуазно-капиталистическом строе.

Однако скоро выяснилось, что исключать «интеллектуюто» из сферы духовного бытия общества лишь методическим приемом, отнюдь не было проагандистским нельзя. Попытки борьбы с прогрессивными идеями путем открытого противопоставления идей идеологии буржуазии, в результате на протяжении всего периода, в арсенале антикоммунизма нет идей, а есть лишь, так сказать, «антиидеи».

Их потребность, если можно так выразиться, тотальной компротации интеллектуюто, деятельности, чтобы отвлечь духовные взгляды интеллигенции от марксизма, выросла одна из главных «антиидей» буржуазности — пресловутая теория деидеологизации.

Терпя одию за другим поражения в открытой борьбе идей, антикоммунизму пришлось обратиться к буржуазному идеологии, и моральное подавление, и загромождение в век научного прогресса, сбросить с корабля современности любую философию, которая не была бы в состоянии ответить на интеллектуюто, можно объяснить многими причинами. Здесь и флюксовская разноречивость в борьбе буржуазных фи-

лософии, и тщетность попыток одной идеологией, интеллектуюто, оставаться то разрушительные силы, которые вступают в старом, капиталистическом мире, и покаясь пресловутого претретьего пути, и тогда капитализм коммунизму — злыбкая мечта о возможности такого пути все выше руководит мыслями и поступками часть буржуазной интеллигенции, «деидеологизация» научно-технического прогресса, и влияние философии экзистенциализма, и могов Адрюго.

Но объективно и попытки отодвинуть техническую интеллектуюто от интеллектуюто, и травля этих «интеллектуюто», время от времени сменяемая загромождением с ними, и теория «деидеологизации» научно-технической «обезмысленной» эпохи — все это в основе своей является порождением антикоммунистического наступления на интеллектуюто.

«Я хорошо решил, старый кот» — могли бы сказать идеологи антикоммунизма тем, кто ведет наступление на главное достижение интеллигенции — на человеческую мысль».

Если усилие антикоммунизма в применении интеллигенции буржуазных стран преследует цель подчинить ее существование нуждам капиталистического государства, то в отношении интеллигенции стран социалистических эти усилия направлены, так сказать, а сторону противоположную. В этом случае цель антикоммунизма — отвлечь интеллигенцию от горьких мыслей, от господствующих в нем идей.

Знакомство с марксизмом не прошло бесследно и для капитализма: социальным движением в истории привнес революционное сознание в стихийную, в экономическую борьбу масс, то почему бы не использовать его для разложения революционного сознания буржуазии, путем привнесения в него раковых клеток буржуазной идеологии!

Однако эта новая, обусловленная социальными условиями в мире стратегия антикоммунизма потребовала и разработки новой методологии для ее осуществления.

Вспомним, какие аргументы имел на своем вооружении предревенный антикоммунизм. Они содвинулись, говоря несколько схематично, а утверждение о неустойчивости успешного строя коммунизма в Советском Союзе.

Победа нашей страны в войне с фашистской Германией, в которой Советский Союз не только дожал фашизм, но и вынес на своих плечах судьбы мировой цивилизации, образование социалистического лагеря, и успехи в развитии народного хозяйства в странах Азии, Африки и Латинской Америки, обострение противоречий внутри капиталистических государств — все это заставило буржуазную интеллигенцию рассмотреть стратегию и тактику. Разумеется, это не означало ликвидацию фронтальных атак на социализм. Однако они перестали быть единственной формой наступления. Идеологи буржуазии стали переносить центр стратегической тяжести на разложение социалистического общества изнутри, и методология антикоммунизма в этот период получила название политики «наведения мины». Она предусматривала ряд новых буржуазных теорий, предначиненных для экспорта в социалистический мир.

Прежде всего бросается в глаза нераспавшийся до сих пор: авторы со-

временный антикоммунистический теории и концепция — по крайней мере наиболее изощренные из них — как будто не намерены скрывать наличие значимых, неразрешимых противоречий в идеологии буржуазного мира. Однако за свою ограниченность они назначают немиллионную цену: признание наличие явных противоречий в мире социалистическом. Поэтому идеологи антикоммунизма богаты-сироты, они готовы пожертвовать собственным глазом, лишь бы его контуром лишился сразу два — и социализм, и коммунизм. Сомнительной на двустороннее применение, обращенной как к западной, так и к социалистической интеллигенции, мы уже говорили.

Вспомним, что в другой концепции, связанной с определением места интеллигенции в современном обществе, концепция, которую антикоммунизм объявляет универсальной, однако применимой к любому обществу — как к буржуазному, так и к социалистическому.

Обращение прежде всего к той части интеллигенции, которую мы условно называем творческой, то есть к писателям, деятелям культуры, эта концепция объявляет своего рода творческий империализм. Самцы в немобильной и постоянной оппозиции художника-творца не только к любому государству, но только к любому руководящей партии, но и к господствующим в обществе идеям.

В наиболее последовательном виде эту концепцию раскрывает в свое время известный французский писатель-экспатриант империализма — интеллектуюто № 19, аме покойный Альбер Камю.

Привлекательной для прогрессивно мыслящей интеллигенции смысл притягивает, в частности, то, что она включает признание трагических противоречий между творцом и государством империализма. Смысл этой концепции Камю в качестве оплаты за это признание требует согласиться с тем, что его концепция динамика действительности и для общества социалистического мира, несомненно, рассчитывая на то, что предложенная им схема вызовет сознательный отклик в тех политических отрядах социализма интеллигенции социалистических стран, для которой мысль о своей трагической ограниченности в сочетании с иллюзией избранности, неподатливости интеллигенции, представляется оправданной прелестью.

С утверждением Камю близко соотносится и другая концепция — концепция о нерешительности интеллигенции между «интеллектуюто» и государством в любом обществе и во автономии культуры тесно связана и другая концепция — концепция антикоммунизма. В немно ввиду специфичности своего претворения проблемы свободы личности вообще и свободы художника в частности.

Вспомним, что в истории эта проблема исторически являлась одной из тех глав, которые, воплотившись интеллигенция на протяжении многих десятилетий и даже всего развития культуры интеллигенции, антикоммунизма пытаются поставить ее как бы заново, в применении к обществу бесклассовому.

Что можно сказать по этому поводу?

Вопрос о свободе личности вообще и свободе художественного творчества в частности принадлежит к числу тех проблем, которые в последние годы В.И. Ленин стоял подробно останавли-

ваться сейчас на этом. Для последнего Маркса, Энгельса и Ленина ясно, что говорить о свободе художника, не отвечая на вопросы: «свобода чего?», «свобода от кого?», «свобода ради чего?» — значит повторять банальности буржуазной философии.

Вряд ли стоило бы специально останавливаться на этом вопросе, если бы не одно обстоятельство. И советские люди задают вопрос под видом откровений проповедуют люди, называющие себя коммунистами.

Когда буржуазные идеологи обвиняют нашу партию в подавлении творчества в искусстве и художественного творчества в частности,—это, если угодно, буржуазной интервенции свободы в ее законной компетенции. И тогда нет ничего необычного в том, чтобы одним оружием в арсенале одурачивания народных масс. Все это элементарио.

Однако более чем странно, когда автор некоторых статей на темы социалистической культурной жизни умудряется одновременно объявлять себя марксистами и в то же время вопиюще отрицать тезисы искусства и о роли индивидуума в Советском Союзе с типично буржуазных позиций.

Дунайский, что в основе такой постановки вопроса лежит воляная или сознательная попытка принорить марксизм к экзистенциализму.

Для того, чтобы отнестись социалистическую интеллигенцию к решению общенародных задач, чтобы направить ее энергию на борьбу с призраками, превратить ее из силы социализма в силу разрушения социализма коммунисты взяли на вооружение и другое оружие, персонально именуя марксистское происхождение. Я лично в явную проблему так называемого отчуждения не верю.

Нет смысла напоминать, что под отчуждением молодой Маркс имел в виду противоречия, возникающие на определенной стадии развития общества, порожденные антагонистическим разделением труда и связанным с частью собственности.

Антикоммунизм, подаваемый философом как категория опыта—таким образом. Он называет социалистическую интеллигенцию мыслью, что и в новом обществе результаты человеческой деятельности отгораживаются от индивидов, которые являются иррегулярными в руках государства и мощной бюрократии. Маркс, как известно, обосновал задачу ликвидации отчуждения путем коммунистического переустройства общества.

Современные буржуазные идеологи объявляют отчуждение канонической свободой, а затем пытаются выдвигать, что человек в обществе капитализма страдает от того, что объективные отношения формируются стихийно, выходят из-под контроля человека. Демонстрируя дорогую оплачиваемую объективность, они готовы даже признать враждебную роль правящих сил общества по отношению к личности.

Но тех, кто признает лишь эту часть концепции, современные антикоммунистические интеллигенты объявляют сторонниками социализма. Признать независимыми мыслями, стоящими на уровне прошлого века, они и готовы лишь тех, кто признает и другую часть этой концепции, которая заключается во актуальности и на социалистическое общество.

Существует ли такая теория, которая в ее или иной форме контролирует эти концепции, схемы и формулы, создает социально-философский фон, на котором они обретают внешне, формально правдоподобное и научное звучание? Безусловно, такая роль предназначена для по-

пулярной в буржуазно-интеллектуальной сфере теории так называемой конвергенции.

Не случайно, что эта теория зародилась первоначально в США, откуда распространилась в страны, господствующие классы которой наиболее заинтересованы в оружии антикоммунизма.

Идея идею сближения и как бы взаимопрогнозирования двух различных общественно-политических систем, мысль о сходимости условий их существования, теория конвергенции, теория лагера. В формулировке духовный фундамент, закладывает те «обычки, на которые предстоит опираться наведенным «мостом».

Идея лагера, антикоммунистического населения прекрасно от себя отчет в том, что теория конвергенции дает возможность для внешне нового подхода к достижению одной из главных целей, поставленных империализмом: деформации социалистической идеологии, и следовательно, и подрыва мощи и сплоченности социалистического лагеря.

Получу эта теория немедленно поступила в арсенал антикоммунизма. Выгодность проповеди конвергенции заключается не только в том, что она несет смысл, как бы формулируя для идеологической интервенции в страны социализма, поскольку сама мысль о взаимопрогнозировании духа систем об их общности автоматически отвергает необходимость бдительной охраны завоёванной социализма.

Теория конвергенции чрезвычайно удобна и для внутреннего, так сказать, употребления, поскольку оставляет живучестью, непотопляемостью капитализма, его способность «воспринять» «пополнительные» стороны социализма, от которых не следует ожидать «стремительного общества» не только из-за отсутствия антагонистических противоречий, но создается некую «гигиению» интересов всех слоев населения. Очевидно, среди проповедников как теории конвергенции, так и вытекающей из нее политики «наведения моста» отнюдь не отстает себе отчет в том, что социальный заказ объективно выполняется. Но какие бы моральные, эмоциональные и иные психологические причины ни руководили этими людьми, они неизбежно становятся оружием в руках антикоммунизма. Ибо антикоммунизм действует отнюдь не в сфере чистой идеи. Он агрессивен, вооружен техникой и материально. Он ставит интеллект на службу своим подлым целям. Он не дает пассивно, что купить его идеи и констатировать, что человек в обществе, с каждым днем нарастающей неистовости. Особенно ожесточенным нападкам подвергается советская пропаганда в этой области почти в каждой крупной социалистической стране существуют специальные периодические издания. Это, так сказать, органы антикоммунистической идеологии.

Разумеется, антикоммунизм исторически обречен. Однако было бы глубокой ошибкой недооценивать усилия антикоммунистической пропаганды. Чужая и чужденная, направленные против нашей культуры, легко увидеть, с каким пристальным вниманием следят враги за ее продвижением. Каким образом, какими приемами, какими отрицательными явлениями, а если их не хватает, то и положительными, чтобы доказывать слабость нашего строя, становиться в ущерб общенациональным целям. Идеологи антикоммунизма вына-

тельно следят за всеми сложностями развития жизни в той или иной социалистической стране. Любая критика несовершенств этой жизни, ошибка в ее развитии немедленно и широко берется на вооружение, чтобы затем при помощи радио и прессы вернуть ее обратно в ту же страну, но уже в обновленном, расширенном, идеологическом виде.

В этих случаях расчет делается на то, что интеллигенция социалистических стран, встретившись со знакомой терминологией, с пропагандой уже возманивших их душой сферой отнесется к антикоммунистической пропаганде с доверием, в том числе и в том, что ее далеко идущим выводам, и к тем, которые эта пропаганда ведет.

Методология подобной пропаганды станет предельно ясной, если мы продолжим ее направление в недавние годы. Используя критику культуры личности в нашей стране, печальный опыт некоторых научных дискуссий, для которых были характерны единичные выступления профессиональных аргументов, податливая споры, которые велись в нашей литературной среде, антикоммунистическая пропаганда продолжает эту критику, эти споры, но уже на качественно иной, расширенной основе. Так, всячески расписывая ошибки и трудности определенного периода развития, тот урон, который был нанесен развитию генетики или бибернетики в этот период, антикоммунисты делают вывод о неадекватности подлинной науки партийным директивам, государственным планированию. Из экономического стремления литературы более глубоко проникать в общественные процессы, антикоммунисты делают вывод, что это стремление несовместимо с принципом партийности литературы и методом социалистического реализма. Критикуя недостатки в нашей экономике, дискуссии об экономической реформе возвращались на всечелюстных радиоголосов, но с выводами о невозможности реформы, антикоммунисты осуществляют реформу без возврата к капиталистическим принципам хозяйствования...

О том, как трансформируется теория конвергенции и политика «наведения мостов», мы могли видеть еще недавно на примере Чехословакии. Разве та явная модель социализма, которую проповедовали те, которые представители чехословацкой интеллигенции, не является почти зеркальным отражением как этой теории, так и политики «наведения мостов» других антикоммунисты и предприняли свое самое восторженное строительство?

Мы видим в этой модели первые признаки теории конвергенции, выраженные в общении взять все хорошее от социализма и капитализма, но унияция, если не сведущно нет руководящей роли коммунистической партии и к передаче этой роли безответственным органам массовой информации, эта явная модель является с собой признание парламентаризма в типично буржуазно-демократическом смысле этого слова и т. д.

Разумеется, между интеллигенцией, живущей в буржуазных странах, и социалистической есть огромная, принципиальная разница. Эта последняя вместе с рабочими и крестьянами становится самостоятельной социалистической строительством. Отсутствие в новом обществе эксплуататорских классов, частной собственности, классовых различий, высокая, объединяющая трудящихся высшая цель—все эти обстоятель-

ства коренным образом меняют характер и роль интеллигенции. Она становится равноправным, уравновешенным членом нового общества, строящегося на основе коммунизма, с ее специфические, традиционные черты автоматически исчезают, как только в обществе победит социализм. Таковы из них, как склонность к индивидуализму, стремление к индивидуальным социальным иллюзиям, и переносе своего места в обществе, в течение некоторого, иногда длительного периода. Однако все же специфические черты интеллигенции остаются живущими в определенных слоях и социалистической интеллигенции, разумеется, наиболее отсталых в политическом отношении. Однако, если интеллигенция не имеет в зависимости от исторических обстоятельств, при которых в данном обществе победил социализм, от продолжения существования социалистического опыта, от правильности той политики, которую проводит коммунистическая партия.

Однако до тех пор, пока в явном смысле социализма интеллигенция, точнее часть интеллигенции, будет в чисто социалистическом плане, некоторые, традиционные для интеллигенции буржуазной черты, идеологические установки будут стараться их всецело раздувать и эксплуатировать.

Если говорить о примере Чехословакии, то следует учесть такое немаловажное обстоятельство, как относительная короткость срока ее социалистического развития, поскольку оно исчисляется всего лишь двумя десятилетиями, а буржуазно-демократическое развитие интеллигенции началось многовековыми годами. Поэтому не следует забывать, что интеллигенция в социалистическом обществе паразитировать и процветать.

Но дело не только в этом. Дело еще в упоминавшихся удивительной слабости интеллигенции паразитировать на собственных социалистическом обществе процессах критики и самокритики.

Подобно тому, как недостатки определяются методом социализма, недостатки интеллигенции, вскрытые самим же Коммунистической партией, были немедленно взяты на вооружение антикоммунистической пропаганды, она, интеллигенция, использует возможности паразитировать и на критике реальных недостатков и просчетов, которая имела место в Чехословакии.

13 октября 1943 года знаменитый немецкий писатель Томас Манн, находившийся в эмиграции в США, выступил в библиотеке конгресса по случаю десятилетия сожжения книг фашистами. Он сказал: «Я не могу не видеть в страхе буржуазного мира перед словом коммунизма страхи, на котором так долго держался фашизм,—какого-то суеверия, какой-то незрелости, главной глупости нашей эпохи».

Разумеется, за правдивыми, благородными словами, однако совершенно было бы огромною ошибкой, полагая, что такая глгавная глупость эпохи, как антикоммунизм, может автоматически исчезнуть сама собой. Из огромной исторической обреченности антикоммунизма нельзя делать вывод о том, что он исчезнет от одного лишь столкновения с разумом.

Просто в настоящее время борьба. И в этой борьбе огромная роль принадлежит советской, социалистической интеллигенции—плотью от плоти, кровью с кровью, пролитой кровью которого она является, во имя которого и ведется.

В. ВЛАДИМИРОВ

ГДЕ ИСКАТЬ ИСЧЕЗНУВШИЙ ГОРОД ЧЕРН!

СЛЕДЫ ТРАГЕДИИ, РАЗЫГРАВШЕЙСЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ НАЗАД

ВПЕРВЫЕ НАЙДЕНА ДРЕВНЕРУССКАЯ ДОМНИЦА

ЗАГАДКА КИЕВСКОГО ЛЕТОПИСЦА НЕСТОРА РЕШЕНА СОВЕТСКИМИ АРХЕОЛОГАМИ

Ногда Нестор — автор древнейшей русской летописи — «Повесть временных лет» — описывал восточнославянские племена, предков русского, украинского и белорусского народов, он назвал четырнадцать племен. При этом следует заметить, что Нестор довольно подробно описал их расселение. Точность описаний, сделанных Киевским монахом, подтверждают археологические раскопки. Однако в этом перечне племен уже было обнаружено загадочное исчезновение одного из четырнадцати племен, а именно тиверцев. Они как в воду канули, не оставив никаких материальных следов, никаких вещественных памятников.

Можно было бы это понять, если бы до нас история идет речь, были бы небольшими родственными группами. Но они занимали обширные территории. Сказано, земля ихняя равнялась территории Английского королевства XI века, а земля вятичей — Кастильскому королевству. И, раз земля Нестора о более чем десяти племенах тиверчаниско, естественно было бы считать, что и тиверцы некогда жили в тех местах, которые называют Киевским князем.

Нестор сообщает нам, что поселения тиверцев простерлись по Днепру, доходя на запад до Дуная, а на юг — до Черного моря. Еще он свидетельствует, что вместе с Киевским князем тиверцы совершали далекие походы на столицу Византийской империи Константинополь. У них, как писал летописец, «и до сего дня», то есть до начала XII века, когда составлялся «Повесть временных лет», имелись свои города.

Уже одного этого было достаточно, чтобы заинтересоваться тиверцами. Они, видимо, составляли юго-западный фронт Древней Руси, через их земли проходили пути, связывавшие Русь с Византией, с западными и южными славянами и с другими юго-западными соседями.

Но, кроме свидетельства русского автора, оказались и другие исторические источники. Впервые в истории летописания IX века безвестный монах одного из баварских католических монастырей составил описание различных племен и народов. Его труд чудом сохранился и теперь находится в Мюнхене. Называя различные племена и народы, он давал им краткую, но очень выразительную характеристику. Для нас может быть, не так существенно, что, упомянув славянские племена тиверцев, он на своей варварской латыни называет их «погибшие ферингисы» («свернувшие народом»), — а то, что он утверждает, что у тиверцев было много городов, и приводит число их — 146.

Столетием позже византийский император Константин Багрянородный, автор трактата «Об управлении государством», сам занимавшийся в столице делами правления, специально описал (то по его мнению, так же, как и «Повесть временных лет») «землю вятичей», то есть славянских племен и народов, живших в 33 томе, томе или в тиверцах. В знаменитом трактате Багрянородного описаны и упомянуты советские дипломатические центры и административного характера переименованы с точным указанием различных царств и племен, которые входили в круг интересов империи. Здесь названы

и тиверцы — славянское племя, подвластное Киевскому князю, главе государства Русью.

Это свидетельство IX и X веков, Нестор писал по-русски. Но вот и на XIV век дошла до нас еще один анонимный источник — «Список городов русских дальних и ближних». В эту популогодичную, муниципально-административную роспись включены отдельные феодальные княжества. Киевские, Черниговские и татарское или разорили народ. Были отторгнуты не только окраины, но и центральные области и даже сам Киев. В такой обстановке тот, чье имя до нас не дошло, решил составить своеобразный индекс, свидетельствующий о былом единстве и могуществе Руси. Поэтому среди десятков перечисленных городов встречаются и такие, имена и XIV веку уже не существовало или они захвачены иноземцами. Неужели и здесь упоминаются тиверцы или назывались их города?

И да и нет, отвечает нам известный советский исследователь Георгий Борисович Федоров, получивший степень доктора исторических наук именно за исследование дальнего прошлого областей, где обитали тиверцы. Но в 1950 году, когда Федоров организовал и возглавил Славяно-Днепровскую экспедицию Института археологии Академии наук СССР, он был совсем еще молодым археологом. Возможно, размышляя над «Списком городов русских», где тиверцы собственно по имени не назывались, дали ему верную нить и подумал, на которые начавшего исследователя указывали неясные дали туманных упоминаний о тиверцах в других источниках.

Почти наудачный русский историк, писавший о времени образования древнерусского государства, говорил о том, как важно найти археологические памятники тиверцев. Но все попытки в этом направлении оказывались неудачными. Поэтому родилась самая фантастическая и противоречивая домысли. Те, кто не отрицал вообще пребывания тиверцев на Днепре, называли их «ратиферскими пришельцами». Другие считали их то торжанами, то скифами, то хорватами, то болгарам, то печенегам, а иные — и вовсе немцами-торжанами.

На Днепре автор «Списка» помещает три древнерусских города: Белый город, или Белгород, в низовьях Днепра на юге (то нынешний Белгород-Днепровский); Хотин — в восточных землях, севернее (он там же существует и поныне), а между ними — Черн, или Черный город. Но ведь в XIV веке, отмечая Федоров, территория между Хотинем и Белгородом уже давно была оторвана от Руси. Значит, Черный город, Черн, во всяком случае, как русский город, существовал до XIV века, может быть, во времена Киевской Руси. Но где же он? Уже десятки лет никто его не видел, о его местоположении высказано множество гипотез. Например, что Черн — это нынешние Черновыи. Но Черновыи расположены на Днепре. Другая точка зрения — между Белгородом и Хотинем, а выше Хотина. Стало быть, делал вывод исследователи историк и археолог, Черн следует искать где-то в Молдавии, на древней земле тиверцев. Но где?

Выражение Нестора «сеидку по Днепру» заграничные ищущие. Его понимают. Обычно — на самых берегах Днепра. Однако даже при нынешней технике выискивать, нередко сплавлять, берега этой реки не везде пригодны для земледелия. А славян историк знает и об известных земледельцев. Поэтому, по мысли Федорова, искать следует в местах, обладающих лучшими условиями для земледелия и скотоводства. Вдобавок нить здесь была небезопасна: пойма Днепра была довольно удобной дорогой для конницы кочевников, набегавших в IX—X веках от причерноморских степей ввосток по Днепру. Но, с другой стороны, такая мысль ослепила поиски.

Теперь, когда открыты сделана, даже странно вспомнить, что находились скитники, обшившие Федорова в авантюризм. После налегкой борьбы была разрешена разведочная экспедиция, которой дали немалого денег и автомашину.

И вот экспедиционный фурун, включая дополнительную передачу, с катушкой проводила четырехсотметровую катушку над Днепром, забиралась на плато, на котором расположено городище. По мему у слиянии двух долин утробой изгиб вала мощным холмом отгибал плато.

Здесь были сделаны замечательные находки: мастертская оружейница и мастертская ювелира с полным набором инструментов. Среди украшений, найденных у ювелира, была массивная серебряная шейная гривна, украшенная сканью — узором из переплетающихся проволочек. Такая гривна служила знаком богатства и власти. Судя по находкам, на городище можно знать, войны и ремесленники высшей квалификации — ювелиры и оружейные мастера. А как же, задавался вопросом Федоров, могли те, кто кормил их, добывать и ковал для них железо, легил и обжигал горшки?

— Выходит, — говорил Федоров своим товарищам, — что наше городище — это голова без туловища. Тут что-то не просто. Нельзя себе представить, чтобы все продукты, все жизненно важные изделия обитателям городища приносили.

Становилось ясно, что городище — только укрепленный центр какого-то поселения. Вокруг него непременно должны были быть крестьяне, гонимы, металлурги, кузнецы. Но как их найти? С одной стороны — веновой лес. Но в другой — посидим кукурузу, табак, макусту. Конечно, если бы археолог узнал, где искать следы этой неуверенной части Американо-Славянского государства, то разрешение и на корчевку леса и на производство раскопок на плантациях. Но в то-то и дело, что они не знали, где именно искать — в каких местах брали пробу почвы на фосфор, содержание которого непременно должно было быть высоким, и древние поселения в несколько раз выше обычного. Но в походе археологов Федорова все пробы и анализы дали отрицательные результаты.

В лагере экспедиции приутинали, и, как вспоми-

Тек мексико выладела центральная часть Аладберского поселения.

Бляха с зерном, на которой выложено более 600 зерен.

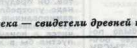

Северная сфера с зерном.

Проложенные накладные бляхи для просы.

Чеканный серебряный накладный кошель сакмаш.

Эти вещи начала XI века — свидетели древней культуры тиверцев.

нает Федоров, он сам не особенно хорошо спал ночью. А впрочем, добавляет он, и это был поведен непрерывный процесс транзюров. Коляко после уборки урожая круглые сутки проводят в домике сенокосной всташу.

И на раз эта осенняя жатка сенокосилка археологам чепуху послала. Когда ранним утром, еще до завтра, Федоров вышел из лагеря, чтобы еще раз (в который уже раз) пройтись по долине, снова в сноа всташивалась, в ее склоны и суглинках, знакомой стороне соседнего виноградника.

— Вот вы, Георгий Борисович, всюду черепки выщипываете — скажите, не всели-а в пауту их за ночь на том склоне затащило сенокоса наворотник!

— Но, — говорит Г. В. Федоров, — мне не нужно было поташивать. Едва поднявшись на склон, я заметил, что там уже не прихотилось видеть! На огровой площадке, более двадцати гектаров, плуги за ночь сложили верхний поров почвы. И на всей этой площадке на мило-сером фоне суглинков четко проступали прямоугольные пятна. Их было девятност три. Они располагались гнездовьями по три — пять в рядочке. В каждом количестве встречались фрагменты древнерусской керамики, такой же, как и на горных склонах. Вокруг приспидца для веревки, обломки серпы, мезелые крошки, старожны. Это были остатки нежилки или мастерских. Так, самах, историч мы искали. А вокруг них находились темные пятна поменьше — выжуги и овалы, которые, как предположили, надо выискивать. Главное, что слышана почти ничего не разрушалась.

Сейчас, разумеется, приостановил работу на склоне и помер всем, что было в его силах. Г. В. Федоров выкавал археологов из других отрядов, и раскопки были проведены довольно быстро.

Там бляха — бляха, — говорит Федоров, — что председателю коляко велел втащить на вершину холма пантанный плуг, и его севриачский левек на протяжении всех раскопок висел над нами, как дамочек все. Впрочем, мы и сами все понимали и не медлили с этим деланием наместника.

Обнаружилось, что обитатели неукрепленной части поселения жили в небольших, полуземельных свителствованиях найденные в жилищах и возле них маленькие селки, косы, лемехи, наменные меруноа ручных мельниц, кости моров и других домашних животных, а также обломки керамики, сохранившиеся зернами пшеницы, риса, проса, гороха. Кроме того, археологам находили кости кабана, косули, различных рыб, окотичные стрелы с тупым наконечником, чтобы не попортить шкуру, рыболовные крючки, медяные ножи с характерной формой наконечника.

Все это участники экспедиции, собственно, и оживили нагляд. Но потом пошли открытия просто невероятные. Речь идет о севриачной территории находки древней русской домочной печи.

В этом материале, где обнаружилась поверхность площадки небольшой домочной печи — домнички. В клямо были хорошо видны четыре слоя глини-

ствитанье в то время было религий господствующих классов. Возле домнички оказались наменные глиняные перегородки и наварочные перегородки и стены славянского бога Сварога, поворотилки нузице и плаважники.

И вот это большой древнерусский город в Молдавии (Г. В. Федоров считает, что тут мы имеем с три Тиссаи Молдавии долина) в долине на Диестре между Белгородом и Хотинном. Именно мы, где древнейшей летописи и сейчас. В конце города русские помешали город. Черн, Истия, он жил в долине Диестры. Диестра раньше была названа рим наиболее прочно удерживалась.

Там было обнаружено летописный город Черн и раскопан тайна домочной керамики. Были найдены выложившая умы ученых.

Экспедиция, руководимая Г. В. Федоровым (теперь это составитель экспедиции Института археологии СССР и Института истории Академии наук СССР), работала в долине Черн в последние дни. Мы смекли только еще об одном, особенно интересном.

Доступ и Алчандру с юга, со стороны причерноморского моря, был свободен. Небольшой овраг ста метров в поперечнике, — хорошо укреплено городище Екимчука. Раскопки Екимчуку прозвучали в последние годы. Сослание атеистов и ученых они смели выстроить деревеньки поворот, то на всем тале ушли в сторону моря, различные овражки жилища, свелты людей и лошадей в самых местельных полах. Из позвонно — археолога вымазали, застрелили там наконечники копий и стрел.

Взорам ученых экспедиции открылась картина внешнего нападения врагов царствующего империи и труда жителей. О силе отря, бушевавшего в последние часики жизни, о том, что происходило в городе и стражничалась от местириного жара огромные известные зерноа и миниаторные жилища севриачской керамики. Склады были не только на валу, но и среди жилищ, сотни стрел, копий, боевые инструменты, а также и другие предметы — все это говорило об остротности боевой формы. Нерешено, что здесь, в долине Диестры, до настоящего времени, между тем как в Новгороду их находки около 250.

Средневекий городищный сактон, русская мода гривелина, и северные среднезаставы мощи, древнейшие памятники Самовидца, найденные в большом ходу на Руси, позволили предположить, что роковая для жителей городища битва произошла в период повстанца XI века. По таким археологам установили, что нападавшие были ивановичи, известные в летописях как братья Данило и Подпорожия и Дунаю, богатый, развитый ремесленный город перестал существовать в течение нескольких лет.

Как это не парадоксально, но трагедия, разразившаяся в этом городище, продолжается и сейчас, помогла ученым выискивать многие вопросы. Г. В. Федоров размышляет.

Мы получили бесценный по своей разнообразности и выразительности материал, по которому можно судить о всей культуре и бытовом труде, о типичных милово до волочила — сложного инструмента для изготовления керамики, о ремесленничестве, о бытовых предметах, все типы украшений — от нарядных наборов серпы и косы до орудий и бытовых предметов различного рода бронзовых перстней, браслетов и т. д. Мы обнаружили, что в долине Диестры в том обширном характере, который имела культура древних славян, и установить ее черты, собственные имени чужакам.

Однако речь все время идет о рубеже первого тысячелетия, и теперь уже ясно, что слышана верши в это время обитали именно здесь. Но откуда они пришли сюда, где они были до указанного времени? И тут обнаруживается, что они были древними норманными жителями.

Чем же это подтверждается? Многих издана нитриговало то обстоятельство, что письменные источники не упоминают о славянах в долине Диестры в IX—X веках, ничего не говорят о них в променотичных VII—VIII веках. А нам раз, что в долине Диестры не упоминается ни в летописи, то есть до XII века. Датирование этого материала, в частности, содержащей археологический материал, нет интерпретации, но это — факт.

Здесь мы увидели, что тот или другой, материальная культура которого развивалась непрерывно по крайней мере с VII—VIII веков, а в IX—X веках уже вполне успевает в летописи, то есть до XII века. Датирование этого материала, в частности, содержащей археологический материал, нет интерпретации, но это — факт.

Здесь мы увидели, что тот или другой, материальная культура которого развивалась непрерывно по крайней мере с VII—VIII веков, а в IX—X веках уже вполне успевает в летописи, то есть до XII века. Датирование этого материала, в частности, содержащей археологический материал, нет интерпретации, но это — факт.

Здесь мы увидели, что тот или другой, материальная культура которого развивалась непрерывно по крайней мере с VII—VIII веков, а в IX—X веках уже вполне успевает в летописи, то есть до XII века. Датирование этого материала, в частности, содержащей археологический материал, нет интерпретации, но это — факт.

Здесь мы увидели, что тот или другой, материальная культура которого развивалась непрерывно по крайней мере с VII—VIII веков, а в IX—X веках уже вполне успевает в летописи, то есть до XII века. Датирование этого материала, в частности, содержащей археологический материал, нет интерпретации, но это — факт.

Здесь мы увидели, что тот или другой, материальная культура которого развивалась непрерывно по крайней мере с VII—VIII веков, а в IX—X веках уже вполне успевает в летописи, то есть до XII века. Датирование этого материала, в частности, содержащей археологический материал, нет интерпретации, но это — факт.

Здесь мы увидели, что тот или другой, материальная культура которого развивалась непрерывно по крайней мере с VII—VIII веков, а в IX—X веках уже вполне успевает в летописи, то есть до XII века. Датирование этого материала, в частности, содержащей археологический материал, нет интерпретации, но это — факт.

Т а работы на Алчандру городище привели и открыто настоящего городского, в котором было четкое деление на кварталы, дворы, жилища, по социальному положению да и по духовной культуре. На территории городища поселения ирестов не было найдено. Там археологам нашли языческие славянские амулеты. Хри-

ВАЙВЕРД

Роберт МАКDONALD

(Англия)

РАССКАЗ

Одной из вечерних лондонских газет было помещено следующее объявление: «ИТЬ ГЪ БЛСЧ ВУИТОВ ВОЛНА РАЙДЕИИИЯ тому, кто сообщит необходимые сведения, которые помогут задержать некоего Уильяма Стринленда, разыскиваемого полицией в связи с убийством Замы Стринленд, проживавшей по адресу г. Манчестер, площади Анания, 59».

Прилагая официальное описание примет Уильяма Стринленда. Возраст — 43 года, рост — 6 футов 2 дюйма, цвет лица смуглый, волосы густые, черные, слезная трубка правой стороны, уже перерезана, носит усы и бороду (возможно, уже сбриты). Глаза светло-серые, близко посаженные, нос с горбинкой, при свежих сильном обнимает десны. На верхней челюсти в левом углу рта золотая коронка; ноготь большого пальца правой руки недавно поврежден. Голос довольно громкий, синеватый, решительный, быстрый.

Одет, вероятно, в серый или синий костюм, носит высокие воротнички и жесткую фетровую шляпу. Исчис 13-го числа этого месяца; возможно, попытается поехать в Англию».

Мистер Багд еще раз перечитал объявление и тише вдохнул. Трудно было припомнить, что Уильяма Стринленд из всех парней мажорских Лондона выберет его маленького, почти всегда пустующего заведения и придет сюда поберется или постричься, возможно, уже перерезав волосы.

После совершения убийства прошло три недели, и был всего один шанс из ста, что Уильяма Стринленд останется в стране, тем самым рудноши предлагают сближенный стол и шведский. Все на мистера Багд постарался как можно лучше заполнить предметы. А вдруг покажет? Выиграешь или некоторые баснословные суммы по лотерей? В однообразном существовании, которое, впрочем, негусто привлекало его внимание, безразлично, говорилось ли там о пятидесяти тысячах фунтов наличным

или десяти футах еженедельной пензенной пенсии.

Может показаться странным, что при огромном спросе на стрижки и записки мистер Багд вместо работы с известной фирмой «Тонкая стрижка победителей конкурсов», а владелец парикмахерского магазина, который раньше едва-едва выставлял на вынос свои жалкие девять пенсов с клиента, примаработал на продаже дешевых сигарет, театр чужой поощрения заведение и нанял несколько мастеров для своего клиента «Базис-рекламу», блистательного двумя рядами ирландских ушьяльничков и аппаратом для записки, похороше на старинную лоустру.

Почему сосед смог заказать огромную вывеску, охватывающую разносторонний обзор, которые без устали бежали по кругу, как насекомые за собственным хвостом? К тому же он нанял человека-рекламу, шагавшего по тротуару с прейскурантом цен на раздвоенных вывеску.

Надо дня в день мистер Багд смотрел, как дань выпаривают: парикмахерской соперника, и с грустью мажор, пока хоть кто-нибудь заглянет к нему. Но его поощрили лишь случайными продвижениями.

И все же мистер Багд твердо знал, что как мастер своего дела он стоит намного выше своего. Он видел, как из «Салона» выходили дамы с танго прической, за которую он давал не посмел бы взять обычную плату в девять пенсов, а не то что три шиллинга стрижки с резной линией на затылке, стрижки, просто украшающие красивую голову, торопливые, небрежные стрижки, которые иногда доверлялись молодым мастерам, еще не познанным великое таинство парикмахерского искусства.

Уж не говоря об «юниорах» — самой любимой работе мистера Багд, которую он изучил до тонкостей. О, если бы все молодящиеся дамы приходили к нему! Он делал бы отговорки бы их от этой ужасной медленной работы, делаящей их похожими на роботов. Он предпринял бы все, что не надо употреблять широко разрекламированные препараты, потому что неизвестно какой эффект получится в конечном результате. Он густая и холодная сила, наполненное долгим опытом, и выражал бы волосы с тем тончайшим искусством, которое в конечном счете состоит в том, что цвет окрашенных волос, которые не вымывается от естественного.

И не только шло мистру Багду, кроме грузчиков, шаполевых мальчишек да подозрительных личностей, ослепляющихся под газозонными фонарями Уилтон-стрит.

Почему же все-таки заведение мистера Багд не могло пышно расцвести в роскошной репутации и богатству на грёбе волны, именуемой модой?

У мистера Багд был младший брат, Ричард, и Багд обещал матери позаботиться о нем. В те счастливые дни мистер Багд предоставлял, как владетель парикмахерской в их родном городе Норвиче, но он связался с дурной компанией, затем вступил в брак и в конце концов занял деньги из мажорского источника. Но тогда он удалялся бухгалтерские документы, мажоры, мажоры, мажоры, мажоры и в какой мере не обладал.

Мистру Багд пришлось вернуться в баню, помог дедушке пережить тяжелейшие времена, пережить в тюрьме, а когда его выпустили, мистер Багд искал брата денгами, перебрался в Австралию, чтобы тот начал там новую жизнь.

Исчезли все деньги, которые мистер Багд нанял своим парикмахерским искусством, после истории с братом ему стало стыдно смотреть в глаза землякам.

Мистер Багд вернулся в Лондон, прибрешивая всех, кто хочет стрижки, его поощрили, мажоры, мажоры, мажоры, мажоры, где некто зарабатывает до тех пор, пока не из-за недостатка внимания не смог приспособиться к новой моде.

Вот почему мистер Багд так случайно издвинул себя вперед и улыбнулся; он не очень-то походил на человека, который мог

Перевел с английского
Александр БЕРГ

Рисунок Андрея БАБАНОВСКОГО

осле Милана, до самой мессины собора Дуомо, промачивая в дождь газами, окутанного чадным дымом (смогом), после Рима с его шумной бессонницей, в Венецию, многозначной толпой и туманом пробок автомобилей на узких улочках есть еще очарование в прогулке по тихому городу, чтобы сохранить в первоначальной натуральности свои провинциальные черты.

Здесь ящики с коже-колки перевозят на тележках, которые вприпрыжку заезжают на тротуар. Здесь рыбки — раскладывают на прибрежных скалах и шлопают нейлоновыми нитками свои сети, еще не просохшие, хранящие броматы моря. Здесь и пошары, и мушкетеры, и ослы — не перестали пугаться броматы мечащихся американских «джипов». Здесь в портовой трагетии можно услышать самую индую восточную битву, а перебивку с ней — старинную и нестарую неплатинскую песню, доносящуюся с рыбачьей лодки. Песня звучит и в культуре автоматических радиоприемников, можно за монету в сто лир прослушать эту песню и еще две других. Но после радной и транзитивора есть свое прелесть, которую не передать жемом, в голосе, которого так звучно бьет над водой и шарует прекрасной силой искренности.

Областная радиобаза не может заглушить неуловимый гул голосов в трагетии, где все тепломерно обжудают новости, спорт, кого-то ругают последним словом и так же тепломерно защищают.

Может быть, нигде в Италии не обжудают так горячо заповедные новости и сообщения о военных действиях во Вьетнаме, как в Гатзе. Новости обжудают и посетители трагетии, и рыбаки, и служащие муниципалитета, и торговцы фруктами, и люди пансионного возраста, которые масками с газетами в руках просматривают на скамейках приморского бульвара и за столиками кафе.

Годы полтора назад в Гатзе сразу стало оживление, и многие из тех, кто прежде в поисках работы уезжал из горючих худея глаза глядеть, теперь нашли себе здесь занятие. Но одновременно и жизнь в Гатзе сильно подорожала, а летом туристы навевались сюда не так охотно, как прежде.

Объяснение следует искать в том, что нынче порт сделался сложнейшей частью американского флота. Прежде флот базировался в Марсе, но де Голль отказал американцам в пристанище, те обратились к итальянскому правительству и получили согласие на постой в Гатзе.

Далеко не все итальянцы рассматривали решение правительства как акт гостеприимства, в котором, как известно, итальянцам отказывать нельзя. Многие недолюбливали американское правительство, и все больше итальянцев склоняется к мысли, что флот под флагом НАТО злоупотребляет их гостеприимством.

Стоянка американских кораблей — в непосредственном соседстве со старинной военной крепостью. Она расположена в скалистом месте, с которого можно шагнуть в море. Высокотеневые стены крепости отнесены подомыются

над водой. Круглые башни по углам крепости устремлены еще выше, так очевидно, что здесь не можно начинать даже маяк. Еще в прошлом веке крепость была превращена в тюрьму. Сегодня в крепости на миссе Орландо пустуют все тюрьменные камеры. Впрочем, в одно из сотен разрезанных окон смотрит узник: это положение заключенный в крепость вынужден принимать в течение суток. Впрочем, видит ли он американскую эскадру, видит ли крейсер-ракетоносец «Литтл-Роук», бесечно стоящий в гавани Гатзы, он не знает.

Гатза — вовсе не конечный пункт путешествия, которое мы совершаем вместе с историком Юрием Семеновичем Филатовым. Маршрут наш лежит на западные, не видящие иностранных туристов острова Понтийского архипелага.

В приятные годы пароходы туда уходили из Гатзы на последние, как гавань окупировавшая американская эскадра, итальянцам не хватало удобных причалов для себя, и потому пристань перестроили в соседний тортовый городок Форнио, километров в шесть южнее и ближе к Неаполю. А может, это сделано, чтобы не тревожить покой американских постольков.

Погода нам благоприятствовала, море после недавних штормов утомительно было. Мы шли быстро, слегка покачиваясь на нерыбной, равной волне.

В этих местах Тирренского моря часто дуют сильные ветры, и их название — называются Вентоте, что дословно значит «держатщий ветра». Каменный волноор, ограждающий пристань, разбит штормом прошлой зимой, но удивительно на днях волноор этот размяло, раскрошило на могучие каменные глыбы, их очертания смутно видны в белой пенистой волне.

— Русские на острове! Русские на острове! — возгласил вечером под окнами трагетии.

Соборные незарядные, и его следовало всесторонне обсудить за бутылкой хланта. Старожилы пытались вспомнить, когда же в последний раз сюда приезжали русские. После оживленного обмена мнениями пришли к выводу, что в последний раз русские были на Вентоте до второй мировой войны, в середине или в конце тридцатых годов.

На острове нет отеля под своей вывеской, но для приезжих держат небольшие неблизких комнаты. Они обставлены старинной мебелью: кровати, а безбрежные альковы, не ступая, в кресла с вычурными высокими спинками и гнутыми ножками.

В трагетии по-прежнему проглядывает, и между столиками разбазывает жаровня на колесиках — от пригородных раскаленных докрасна углей доносится теплый дымочувствование.

Поскольку старожилы уже начали шептаться в тайниках и закутках своей памяти, самое время было спросить: а где же Вентоте последний раз был испанец?

Снова разгорается жаркий спор, который приезжий, не знающий языка, может считать дурочничеством и пустую сору. После свирепых дебатов присутствующие подтвердили, что

последний испанец выпал в одну из военных зим, четверть века назад. Вентоте не имеет ориентиров для самолетов, летящих к матерку из Сицилии или с африканского побережья, он как раз посредине между большими омытыми ветрами морями. Поэтому ли американские бомбардировщики так часто появлялись в конце войны над Вентоте? Не потому ли Вентоте несли званые батареи гитлеровцев?

Но едва кто-то задал речь о столице американской эскадры в Гатзе, как испарилось о давних плаваниях торжественной одышкой, становилось все медлительнее, но на покой не уходил. Пароход волею капитана Казимио Симеоне Вреде успевал выключить из виду, всегда присутствующего бомбардировщика, а капитан оставался по-молодому подвижным и таким же общительным, прелесть которого не уменьшилась.

В один из дней апреля 1943 года, когда пароход шел проторенным путем из Гатзы к Вентоте, на него вдруг обрушились американские бомбардировщики. Но то ли старческая медлительность пароходика сбыва с толку бомбометателей, то ли по другой причине — «Санта Лючия» избежала беды.

На следующий день пароход шел обратным рейсом на материк. Воздушные налеты вызвали тогда панику среди островитян, и Большая толпа вышла на пристань Вентоте прибытия парохода из Понца, чтобы заглянуть на материк. Трезвые голоса предупреждали капитана Симеоне об опасности, но он возражал, что днем ступило штатский покор и даже приключился взлет паролоника оневодны. Вечерняя одышка была явственна, что бомбили в сумерки. Ну, а кроме того, американцы знают, что на «Санта Лючия» несутся заветные военными лазутчиками.

Вечерняя одышка была явственна, что бомбили в сумерки. Ну, а кроме того, американцы знают, что на «Санта Лючия» несутся заветные военными лазутчиками.

И вот когда «Санта Лючия» уже подходила к Вентоте и до пристани оставалось с километр, не больше, налетели два торгедонца. Первая торгедонца пролетела мимо цели, но вторая угодилась в пароход, и корпус его переломился пополам. Второй торгедонцев летел так низко, что штормовые рывки мог бы различить на плубе женщины и детей. «Санта Лючия» не успела даже дать своего знакомого, по-старински криплого гукса. Из давности павловых спаслись четверо: они плавали, держась за обломки. Одних из четырех парочков был капитан Казимио Симеоне, что штормовые рывки мог бы различить на плубе женщины и детей.

«Санта Лючия» — единственный пароход, который подошел к скалисто-

му берегу острова Санта-Стефано. После рассказа о гибели «Санта Лючия» восторженно выслушали ленных и ваварских налетах американцев и, конечно же, зашла речь о налете 16 августа 1943 года на Милан, когда пострадала Тата и авиаторы на ороне до Винчи. Шест лет профессор Мауро реставрировал картину. Но нельзя вернуться на небытия мирный язык Муссолини или пассажира «Санта Лючия».

— 26 июля 1943 года на рейде Вентоте бросил якорь корвет «Персефона», на борту которого находился Муссолини. Муссолини в это время лежал едва не увеличился на одного человека. «Персефона» появился на следующий день после исторического визита Муссолини на корселем острову виллу, где Муссолини был взят под стражу карabinieri короня Виктора Эммануила.

Однако начальник охраны свел опасным оставить Муссолини на Вентоте, где находилось столько его врагов. Там, томилась коммунисты и фашисты, коммунисты и фашисты, там было много арестованных.

В тот день маршал Бадольо, пришедший к власти, приказал освободить Муссолини. Муссолини в это время на Вентоте, кроме коммунистов, а их было больше литсот человек. Вот почему корвет «Персефона» поднял Муссолини на корселем острову Понца.

Муссолини пробыв на острове Понца тринадцать дней — с 26 июля до 8 августа — его привезли в некое сельское домище, в рыбачьем поселке. Любопытно, что в это время на острове было несколько коммунистов, и среди них социалист Пьетро Ченни. Все они, в том числе развалючий Муссолини, фашистский министр печати Чезаро Росси, встречали друг друга, но не здоровались, не разговаривали друг с другом. Тот же «Персефона» ушел бывшего духа на север Италии сперва на остров Санта-Мадальена, к северу от Сардинии, а затем еще севернее, в горы, к подножию километра Монте-Корво, в отель «Амбро милераторе», как бы специально для того, чтобы 12 сентября 1943 года его было удобнее выместить оттуда фашистскому гангстеру Уго Скопиони.

Капеллан Лундини сейчас обитает на Вентоте, и в это далеко время встречался с Муссолини на Понца. Как же нам не навеваться к дузовному отцу и не побеседовать о тех днях?

В предвечный близкий распыла за все злодеяния у Муссолини неожиданно появились религиозные поэмы. Он захотел исповедаться у ладре Лундини, но исповедь не состоялась. Может, диче переудался, а может, охрана не доверяла ладре Лундини — неизвестно.

Много говорили мы об условиях жизни на острове Понтийского архипелага в годы фашизма. Тогда эмиграция за океан приняла особенно большие масштабы. И до сих пор неясно, может, диче переудался, а может, охрана не доверяла ладре Лундини — неизвестно. Много говорили мы об условиях жизни на острове Понтийского архипелага в годы фашизма. Тогда эмиграция за океан приняла особенно большие масштабы. И до сих пор неясно, может, диче переудался, а может, охрана не доверяла ладре Лундини — неизвестно.

Евгений ВОРОБЬЕВ

Путевые заметки

его сам. Однако нельзя злоупотреблять добродушiem и общительностью пологого человека. К тому же рано утром предстоит поездка на остров Санто-Стефано.

Синьор Бьянчино Вердо — мы познакомились с ним на палубе парохода — назвал моторную лодку и на всякий случай договорился с двумя гребцами. Незаметно, как морем покатит себя завтра. А то волна может плеснуть через борт лодки; и если вода залетит мотор, если мотор заглохнет, гребцам придется в лодку весла, до той поры безработные.

Утром сам разбудила песня. По узкой улочке шла, пританцовывая, девушка в оранжовой курточке, с апельсинами в руке и зонтик палка. Впрочем, можно ли назвать уличей амстланую каменными плитами крутую тропу-ступеньку между домами, по которой только ходят, а не ездят! На острове нет ни автомашин, ни лошадей. И площадь перед ратушей, по которой только что прошла девушка, выглядит как тихий пустырь.

Возвращавшемуся раннее утро на рыбацких пристани, где волшебно сияли все краски палитры, все зеленки моря, а золото — приметы и привады разных искусств — искусственные и естественные грандиозные барельефы вулканический туф очень податлив при обработке. Рыбачья пристань Вентоте — это удивительно похожа на яриую театральную декорацию, в каждую художники рядят комедии Шекспира или Лопе де Вега — пусть это будет «Венецианский купец», «Два веронца или «Валенсийская вдова».

В баркасу, только что причалившему, выходил хозяин. Сам баркас мог бы приплыть изопозднее к XVII столетию, если бы за деревянным бушлатом, украшенным принудительной резьбой, и за парусом не обнаружился мотор на корме. К старинному силуэту баркаса и к старинному покроя паруса никак не подходит одежда рыбака — крошечные нейлоновые костюмы с капюшонами. Не является со старинной и радар японского происхождения, вделанный в борт баркаса и помогающий в рыбной ловле; жерм делает видными коски рыбы. Увы, нарушает стиль минушних эпох и хозяин баркаса — модная шляпа с короткими полями, модный костюм, газовая зажигалка и сигарета с фильтром.

И, наверное, точно так же, как столетия назад, рыбаки споры выплывают сеть рыба при утреннем свете поблескивает влажной перламутровой чешуей, и, наверное, так же стоят бочки, которые служат подставками для длинных жердей, а на жердях красуются сети, и приходят время чинить. Вот только шкотом сетки наведенные прежде италоками: за ухом у мелкотелого старика в вязаной шляпе — деревянная спица с нейлоновой леской.

Островок Санто-Стефано отделен от Вентоте проливом шириной всего в два километра. То на самом деле — что-то вроде зазора в горнице из моря скалы, на вершине которой белеет круглое трагезанное здание тюрьмы, то ли трагическая репутация острова освещает силуэты старичков на скалах. Бардоло Санто-Стефано называют «Островом дьявола».

Волна бьет в борт, но ветер нам благоприятствует — лодочником не придется огнать весь остров, чтобы причалить. Сегодня волна подкатывает в борт, каменным обесценивая. Крутая, глетущая тропы, усталые камни, ведет на вернее лопе. По обоям старым тропы растут неприхотливые агавы, им хватает даже узкой рощицы в тени скал.

А на верхних площадках хорошо себя чувствуют только растения, которые не страшает ветров. Кантусы и бамбуки, камнями обесценивая, служат ветроуловителями пологих склонов. Круглые, мясистые, колочие листья — как бесчисленные ладони, подставляемые ветру.

Видности сегодня отличная, горизонт не затуманен, и нам открывается просторная панорама. Можно увидеть и остров Искья и остров Понца. В глубине моря угадываются даже мыс Орландо и Гаэта и далекий утес Учирча. А ближе Вентоте — как на ладони, два этих острова — надлом одного потухшего вулкана; об его былом кратером мы и прошли на лодке.

Пестрая пригоризна домов брошена на крутой берег Вентоте. Мозаика эта бело-желто-розовая, и только кое-где станы в цветах зелени. Самое солидное, самое высокое здание на Вентоте — бывший полицейский участок, а на Санто-Стефано — здание тюрьмы.

Три года назад, после ста семидесяти лет, все бесчисленные замки каждой тюрьмы открылись, все двери и ворота распахнулись настежь, а в стенах сидели десятки и десятки общих камер опустели.

Карabinieri увезли заключенных в другие тюрьмы, покинули остров тюремные надзиратели и начальники. Содержание каторжников здесь дорого обходилось государству. Но во всякую погоду к острову можно причалить, а кроме того, туда приходилось заезжать из Неаполя пресную воду.

Сегодня не только тюрьма, но и весь остров необитаем. Дичаю ветров и морщины на д-е фруктовых деревьях в саду начальники тюрьмы, которые все разучились плодотворить. Заросли сорняками бывшие огороды, на которых некогда работали каторжники. Лишь бродит по острову одинокий олень, завезенный сюда кем-то с Вентоте. И да бегают одиночные кролики. И в зимние месяцы на острове легко найти подножный корм.

Для крутого башки стертут с обих-то утром главный узел в тюрьму. У тюремных ворот растут эвкалипты, несколько веревных залы, лимонное дерево, олеандры, тутовые деревья, много розмарина.

Со содержимым волнением входили в ворота тюрьмы. Сколько человек в кандалах, в наручниках переступило порог тюрьмы! Сколько из них да-до здесь томился каторжник, и ногам которых было пригнано на цепи чуждого лодка весом в пять килограммов. С каждым годом пребывав на каторге чужд износившаяся на одно звание и тем самым «облегчалась». Но силы убывали быстрее, чем выбывали звенья из цепи, так что обитатели каторжником это не признали.

Вот уже три года обречены на безделье тамные связки ключей. Перестали греметь задвигаемые-отдвигаемые засовы на дверях, обитых мехом. Сидят стих ржавой скрипи тюремных замков.

Метровые каменные стены. Окна камер, закрытые засовками из жести («вольные палаты»), чтобы осталась видной только узкая полоска неба. Люди, замурованные в каменной стене, навечно разлученные со своими именами и фамилиями.

Да, снега тут не бывает, но в зимние месяцы каторжники сильно мерзли в смеси каменных мешка, а особенно в подальней каторжничанки санкция тюрьмы, где находились карцеры и куда не проникал дневной свет.

Дольше всего пробыл на каторжном острове некто Амедео Вуэньц по кличке «Печеночка», так неаполитанцы называют низеньких. Нуэньц пробыл здесь 37 лет. По соседству с ним сидел анархист Дино Лучотти, совершивший в 1926 году покушение на Муссолини. Он пробыл в каторжничанке 20 лет и на следующий день после своего освобождения трагически погиб при обстреле фашистами острова Искья.

Площадь острова составляет треть квадратного километра, а если скалу обехать на лодке, прогулка не превышает двух километров. В Понтийском архипелаге нет острова меньше и удобнее, чем Санто-Стефано. Тюрмщиком он представлял целый ряд удобств при охране заключенных; отсюда невозможно было убежать, а в стенах сидели все заключенные. Но со скалы, там, где она нависает над морем, бросались вниз, да верности связка бела перед тем руки, чтобы покинуть самоубийством.

Что может быть печальнее каторжничанки на необитаемом острове, куда в тюмом значении этого слова, не существует человека! Кладбище за железной оградой, в каторжничанке та скала, которая ведет во все тюмомные камеры. Слова от каторжки высечено на плите: «Здесь кончатся суды людей», а справа от каторжки: «ни начинается суд бога». В тулу кладбище, отдельно от безымянных каторжников, перенурмованных и после смерти, рядом с несколькими тюрмщиками — могила Филиппино Орнато. По словам синьора Антонио, который сопровождает нас в путешествие на Санто-Стефано и в невеселой прогулке по кладбищу — это могила матери, которая некогда получила разрешение на свидание с сыном, приехала на остров, и, увидев сына, от огорчения умерла.

Наш чиронец, синьор Антонио, мужчина среднего лет, выглядит почтенно, модно одетым в джинсы и замшевую куртку. За плечом у него на ремешке портативный радиопередатчик и тонкие, какие позволяют видеть двухсотметровые перепады на расстоянии нескольких километров. Синьор Антонио условился с женой, что вызовет ее в 12 часов. И вот ровно в полдень начинается разговор с Вентоте. Жестами сообщается, что идет его и обещает трем часам. Обуюющее чдо, чар, аривидерси! раздалось под конец разговора.

А спустя несколько минут синьор

Антонио неожиданно задал мне вопрос:

— А правда ли, что все, кто не вступил в коммунистическую партию, сосланы в Сибира?

По поводу синьора Антонио, стояние беспартийные хотят в Сибири на медведей, питаются из мясом и шлют шубы из медвежьих шкур.

Но, конечно, не в этом вопросе, прозвучавшем с фальшивой интонацией. Но как-то не влезало с японским радиопередатчиком синьора Антонио в газовый замковый замок, с его замшевой курткой и джинсами, столь далекие невежество — и политическое, и географическое...

Возвращаясь на Вентоте, мы вновь проплыли в лодке над кратером давно потухшего вулкана, и вечером нас уже ждало в третирии несколько приятельных, словоохотливых островитян, любящих посплетничать.

Конечно, завладела речь и о необитаемом острове. Нормально ли, что путешествуют благоустроенные дома на Вентоте и Санто-Стефано? Речи, конечно, идет не о здании каторжничанки, оно остается летней дачей туристов. Но ведь пустыют и кварталы, да прежде жили слушатели. Брошены скалы и огорожены. Дескать, скалы могли бы быть пристанищем на Санто-Стефано, там есть к чему прильнуть рукой. А земля там плодороднейшая, она покрывает толстым покровом черную каторжничанку струю лавы и туф. Мы уже знаем, что ближние острова славятся отличной фасолью и чечевичкой. К слову сказать, на Вентоте и на Санто-Стефано, в Сибири, в скалах и огородах нет вредителей. Острова Понтийского архипелага, в частности Искья, Понца, Вентоте, могли бы при поддержке государства оказать приют многим беженцам.

Предметом пылкою обсуждения стали многие другие малые по масштабу, но многообещающие вопросы, кровно затрагивающие интересы островитян, связанные с болезнями промышленной экономики. И ведь те же проблемы трудоустройства, профессионального образования, та же гнетущая неуверенность в завтрашнем дне омрачают жизнь жителей Сицилии, Сардинии, Калабрии и других провинций.

А море было и нам благосклонно, и к концу следующего дня мы мучились уже знакомым паромом со знакомым капитаном.

На материк возвращались несколько пассажиров на числа тех же пароходов, на наших попутчиках, когда плыли на Вентоте. В таких случаях пассажиры встречаются на палубе или в салоне как добрые старые знакомые. Бываю в кругу ослепованных, оказывается давняя тропка парохода «Сан-та Лучия», поскольку мы повторяли его маршрут.

Синьор Бьянчино ступилши, и стал виден проблескивший маяк, он издает чуть южнее восточной крепости Гаэта и стоянки американской эскадры. Чем отчетливее вымечивалась мыс Орландо, чем ближе мы подходили к стоянке шестого атомномоторного океанского, тем все чаще пассажиры заговаривали о войне во Вьетнаме, и нетрудно найти этому объяснение...

Тамара ИЛАТОВСКАЯ

Мирослав МУРАЗОВ (фото)

Ирод гипнотизирующе многоглас, это тысяч оном... Впрочем, нет, не сто — вышлыми оном светится во взгляде... Каждое оно как приглашение войти — в дом, в судьбу, в век.

Под ногами цокает брусчатка. Сумерки пахнут дымом: в старом городе толпы лежи. Дым цепляется за ветки деревьев. Над головой шумит крыльями голуби. На улице Мала Плес три знаковых узких фасада, три брата, три старейших домина Риги. В маленьком расос, улетает засохшая птица, юные великаны играют в бадминтон. Первый новомет тачется в окисленные пасти львов, охраняющих Древний герб. «Враты» явно подделаны в средневековье. Был Налог на свет. Время определяет разрез окна, через которое смотрит в мир: узкоглазая прорезь бойниц, слепые олоща равнелиниена на Иабло или Аадру, льдистый блеск венецианских стенол в дворонских окобниках, рывые решетки кизаватов, сиромыя, со ставляные окошчи бывших неспиритавых ивартри.

Иза поворота аскетическими линиями сытых гладят стволычатые, вытанутые проемы. Домского, они трабуку полонночине. Диеи собор перенрасен индустриальными сачемине витражей, подавляющей гулуиостью чистых пространств. Вечером, когда витражи гаснут и по углам, где притислись гробничные нишегда именьных рщаден и вельюме, случается полумрак, но дариет нам память духа — единство, без которого нет чистоты света. Беда высомине сводеи издадут первый рыдальский вздох, в истинической мелодии Ваха время замыкается в нольце.

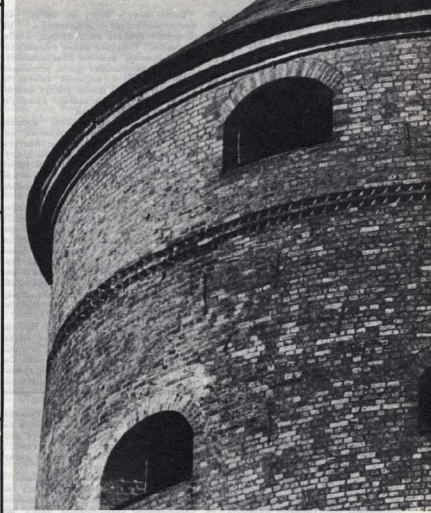
В бесмертнии древних городов — наша истрем с похулавами. Когда спускаешься от Домского по Торню, гразные прищуренные бойни встречает Пороховая башня. Она да Востанная гора, остаток крепостного вала, обривши кроваво-красные, замочкачачных стенол у Яна сета и Шварских ворот да еще горооиской навалы. Башеный ров — отблеск бывшего воинственного величия. Там и изветел в холодной оини гуславо и резко заревел боевой рог тевтоново. Нам остались от тех времен рывные достаче, полуставшие пращи да меч палача и его счета магистрату. Превиди башня более простодушчи и истинно. Горе их прошче и короче. Они были реалисты: и тогда сточили в Домском соборе мочдотостав «Лангевоза», иско, как усложнили войну воее южине, помогли Генералу и Родольфу, Пушкина и Салу Бернар. Если вернуться к ивбарной, там, в сырвом ветре д Дугауви, тилиши четирыкугольнично — Башня Святого духа, Башня Синцавала — залег орденский замок, цитадель немецких

вельюнов. Властная громадина полюбилась потом русским губернаторам. Завоев первооткрыватели в багряльце стнах вспыхивали тысячами свечей онаи нарядными залов. Здесь танцевала прекрасная Керн. Сейчас сивоаз решето калитни виден оглобнивший сад, в нем дремлют одинокие скульптуры. Ветер с рени омыкает холодные нелеме. Русские вельюнове оловои в вязе готических улиц надменную роскошь, литературских особинков. Отра, университет, изящные постройби Баунианиса, филармония пышно хороши, как ирвасичие времени Александра II. Говорят, рижане плакали, когда в филармонии случился пожар.

Фанатические очи соборов, слепые монументы стенол, царственные онаи наместников — дурной взор прошедших веков.

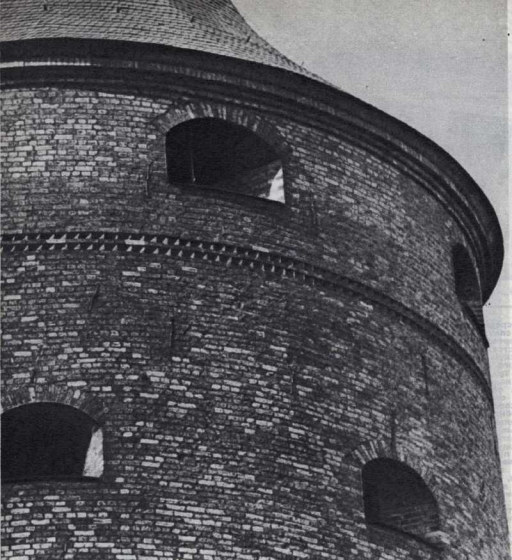
После сумерек старой Риги улица Ленина взрывается фейерверком, в блеске радужных от мезон витрин. От часа на углу бульвара Ладриэлю все еще расколетца пары. Диеи ты ситришь на город, вечером — город на тебя. По улице Ленина хорошо бродить диеи, когда есть час-дурого сабобного времени. Идешь себе не торопясь, заглядывая в тихие поперечные улочки, пушистые от иленов и лил. Потомляешься в «Сантеда» вареничави, нарядничим, как поугайчиной, поперечица в руках модная подсвечник. И дальше, к углу Дзиньмару, где самый большой антикварный, а вернее, просто буминистический магазин. Книг немного. Но попалас, например, Борис Ионичко. И в роборе его общество — к зернальным витринам аскетического салока. Альпийские фиалки устало опустили альпа ушики. Выставил сабкар нет, но будут мастерице сады Семраириам. Латини любят цветы, верит ни, остро переинают их оттени, аромат, связанный с ними приметы.

Прямо по центру улицы Ленина открывається церковь. Гертруда, покровительница всех, кто в путце моряков, купцов, путешественников. Красная островежика Гертруда на фоне Синцавала, тронного неба — такой нарисовал во Валдемис. Тонкие, исполненные странной прелести пастели Валдемиса, стрелки нию никогда не выданную прибалтийскую осень, символю рижнских крыш: выскоие конические трубы, почернелая от времени черепица, строгие шпиль, мажтаки, вставание над заточачачными сонные лютеранские пугачи иужаревыи гловидни. Не пошукай целый букет Валдемиса лежиана две красные гловидни. Из пошукай целый букет альпийских фиалок. Здесь чтат ушедших с верностью много страдающего народа, не помнящего ничего забыто.

Прищуренными глазками бойнии взирает на мир древний страж Риги —

Пороховая башня.

Яркие огни вечерних кафе — характерная примета современного города.

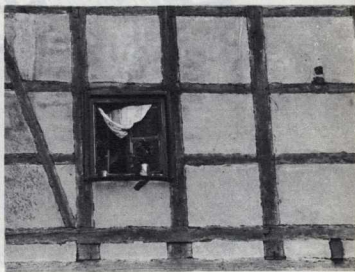

Чуждое кружево.

Словно когда-то был намок на свет — окно скрадывалось ледяными украшениями, решетчатыми узорами.

Уходившая графика старых фасадов.

В теплый день весны распахиваются окошки высохли мансард...

...проектриваются залы
Музея истории Риги.

На Братском кладбище среди тернов шиповника и цветов спят красные латышские строки, жертвы двух величайших войн человечества. Както и зашла в мастерскую Инду-лиса — Зариньша, известного лавца стрелино. Его черно-белый тритик в Третьяковке — будто гроза над Балтикой. Сейчас в мастерской, обраченной окнами к Домскому собору, с толькото знакоменного холста свисает нежной белозной обнаженное девичье тело, дышащее зеленью и синевой дышит Сигурда. Ясные, радостные тона. Зариньшу тридцать девять лет, он один из самых молодых членов Академии художеств, проректор латышской Академии художеств.

— В Риге очень много художников, — говорит мне Зариньша, поглаживая эспальону, делавшую его похожим на мушкетера — человек триста. Конечно, такой климат!

Здесь, наверное, действительно хорошо писать картины. Причудливая красота лепных фасадов, пышность парков, холодное море, тонкие лица высоких блондинок, розовые от тумана.

— Рига красива, — говорит Зариньша. — Но не надо забывать, что старую фреску не допишешь в манере Пинассо.

Вечером, вернувшись в гостиницу, я смотрю с высоты пятого этажа на светящийся Бульвар Райниса и тауральный сквер. Если махнуть за Даугаву, и Ботаническому саду, где всю

...каждый этаж глядится по-новому...

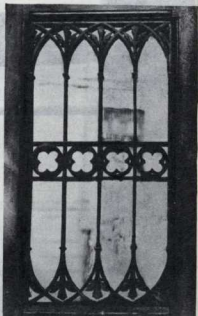

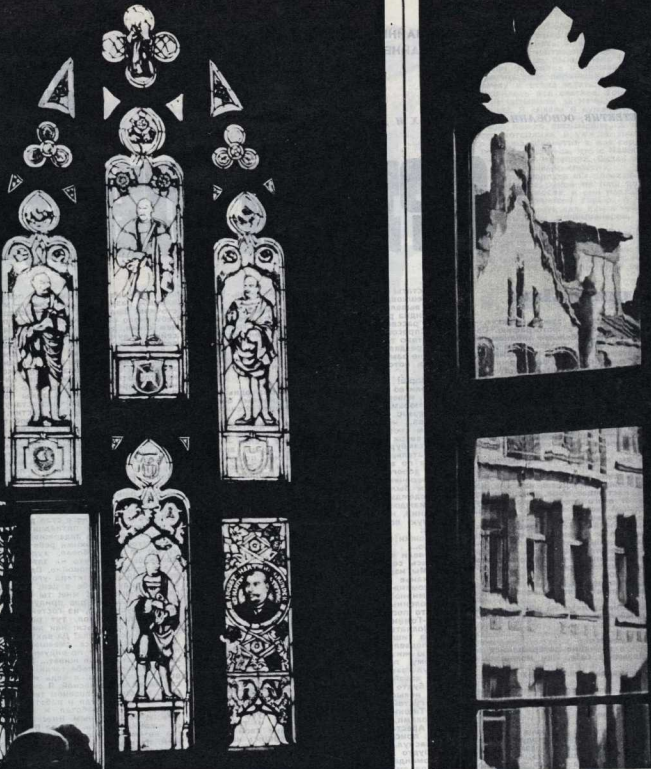
Еще одно «мшистое» окно — на улице Валкью, где уже много лет держат землю каменные атланты.

Вымытые до блеска окна новоселов.

Сквозь фигурное лигье.

Витражи Дома культуры профсоюзов.

Из окна филармонии.

дому цветут розы, выйти на улицу Морина, поблينة и мезонордонному полоту, увидишь, окна, которые погаснут последние в этом квартале. Это окна Альфреда Рубинса, секретаря ЦК комсомола. Шесть лет назад я впервые приехала в Ригу, чтобы рассказать о студенте Политехнического института Альфреде Рубинсе.

Рига сплит налейдоскомом вечерних стен. «Смешалось, спуталось — не разобрать, где звезда, где она, где клены, где здания...» Беззаботные она розовых от заката мансард. Потугленные глазами старых домов на Скярню — против величавых глазниц полузавураженного Петра. Празднично оголенные, чуть призрачные нейлонные она рестораны на Падомони или Горыного. Давно не крашенные рамы студенческого общежития. Астрономический налейдоском высотной Академии наук. Посине глаза новых кварталов Юглы. Колестайн каторморт на подлониины: нильны, яблонь, угорная бутылка. Прозрачные своды испомонского, обьяного рынка.

Можно поехать на другой конец го-

рода, на улицу Гервина, где в маленьком домини с красным садом юрлит над дипломом Карл Михельсон. Ига уше, небось, оторосила гистологию и вештает о воскресенье, когда можно уехать на Сигуду — покататься на лыжах с гор. Но Карл, тот не поднимает головы. Его, молодого инженера, хорошо знают на ВЭФе, прославленном гиганте элентротехники. А это Большая честь и ответственность для деревянского парня с острова Доле. Хорошо, когда в городе есть она, за которыми знают тебя, и ты знаешь тех, кто распахнет эти она весной, впуская еще холодный, пахнущий синего ветра.

Поздно. Все ремя гремит по бульвару трамвай. И ушла джок, просившие весь вечер у заиндевялого фонтана. Опустела будка автомата. Погасли огни университета. Уехал из театра, привезутый поклонниками, популярный театор. Ди Забер. Везде полночь на ривных часах лютеранского Яюва, на кругом зеленом челе Домского, на тончайшем кварцевом хронометре, на башне ВЭФа, где крас-

ные светящиеся стрелки на секунду сплываю в одну полосу.

Утром я люблю смотреть на Ригу сквозь призмороженное окошко трамвая — маленький дома, переулки: люди. Самуся в 11-й у рынка, поблينة и выходы, так что мне видны лыжные Риги. Улица Кришьяна Барона, собирателя латвийских дайн. Консарвалей Ланциса. Театр юнок. Потом мы ссорамчмаем на Милера, и Мемаларку. Парк огромн, настоящий лесной континент с озерам, иорам, чащобами и завроям. Зимой здесь опслетливо бело, холодно и пусто. Вот бы покатся сюда в июле, когда ласково море и ходят ихты. Да и сама Рига летом — сплошной благоухающий сад. Я броую по парку болные часа, как раз чтобы Лаймонис сжалел мольдо — и центру и обратно. Вот и он. Сейчас из царства леса мы введем в июльню индустрию. Назначай второй мотад, страны, каждый четвертый радиоприемник, телефонные станции, вагоны, дух,

тримотам. «Спидола», «Ригонда», «Динтарс». Город хотят удержат в границах 500 тысяч жителей. По-моему, это невымыслимо. Заводы рутят из тесных зданий, нан из младаических распадаюмок.

Рига растет. Завад Фогелис, поклонники Майдновского и Корбозья, — один из четырех молодых архитекторов, что будут рившать судьбу старинного Московского форштадта, в юбну здесь было гетто. Война местона испотала Ригу, ао мнгом — непоправимо. Золоче пришли на смену лштанам.

— Мы хотим строить новые кварталы, — говорит Фогелис, — но там, что бы это была только Рига, ее неповторимый силмаут. Рига второй половины XX века.

Он праеш от архитекторов зависит наша страна с потомками. Понимт ли она по очертаниям наших улиц, по напряженным зрачным бетонных фасадам, что мы любим, о чем трескомилсь. Хочется, чтобы нас помял — нан читаем мы, дети своего спомного века, летопись древней Риги.

Рисунок Валерия КАРСЕВА

А ты подмигнул китро и сказал:
— Я вчера в газете прочел, что сердечные болезни происходят от недостатка положительных эмоций, то есть приятных ощущений. Хочешь положительную эмоцию?
Соборясь ты поднял на стул и начал выводить на паркет четку, потом напевая сам себе, удержал вприсядую, и по всей комнате прохаживал по лямкам, и дробь ударила лямками по полу. И совале тебе прошеп в лицо, в рисунке кудри расплелись, светлые глаза высветились...
— Про документы в техникум не забудь, каауи, — сказала я тебе строго, но не выдержала и тоже улыбкушки.— Зина сердиться будет.

А ты поцеловал меня сухим, потрескавшимся губами в нос.
Мамочка, науку с произношением надо соединять адуично, без волонтаризма...
Ты всегда чутько пошевнялся надо мной, знал, что в этих мудреных слов не понимаю. Только такой уж ты всегда и был — над всеми и над самим собой всегда пошевнялся... Хлопнула дверь, и через животно ты прошел перед открытым окном, напевая: «До станции детства мне далеко билет...»
Я стояла у окна и смотрела тебе вслед. Потом ты исчез в пальсаднике за деревьями, но голос твой и еще слышался: «...туда билетов нет...»

И не приехал обедать, как обещал, и в полночь тебя еще не было. В час приехал Вася, попил молока и лег спать. А в два часа я встала и вышла, и тихонько притворив дверь, вышла на улицу. Замигалось утро, было очень тихо, даже слышно шумели. Я пошла к трамвайному кобылу, чтобы встретить тебя пораньше. На остановке и села на лавочку стала ждать. Неспешно течет время, становится все светлее. Тоненько звенели рельсы, но оставшие за ночь Рейдлеровы угрюмые машины. Я сидела и думала о тебе, о своей жизни, обо всем, и мысли текли потихоньку, хотя было мне както неспокойно. А потихоньку угрюмые трес мотосицила, и уже не знаю почему, но стук его мотора заплотился и мне сподобилось о тебе. Я встала и увидела, что с Каширин приближается милицейский мотоцикл. Ополо мени от притворного и милиционер спросил:
— Как к корупцу е? проехай!
Я понесла рукой на мой дом, но шевельнуть лямком не смогла, и они поехали, дымив в мою сторону бензиновой гарью. И тогда я дернулась и мне стало так плохо, что я упала. Упалим растерянные лица милиционеров, испуганные Васини глаза. Чей-то голос:
— Скорее езжайте в тридцать третью милицию, ваш сын попал в аварию.
Но они меня, Костик мой любимый, не обманули. Я уже знала, что тебе нет. И меня, Костик, тоже нет. Этот оборотень убил нас одним ударом...

Э. Евгения Курбатова

Мать Кости Попова в увидела на похоронах. Она стояла возле гроба, высокая, хостистая, сухая, выключенная из времени и всего этого годестного говора, коготь нее. Она очула в руках за руку, широкую, крепкую, уже слегка пожелтевшую. И вдобав Костя был усталый, бледный и дому только им вадонным проуликим и дряблым, и сейчас воруку всего корупцу а промывки, полворотных, сбону на пущьры стояли десятки разнообразных «волг» а шашинчима на джипов. Все подожали и подождали меня. Здесь были соседи, друзья, сослуживцы и наиверина много несомненно танкостов, сплавных «сособой» оруужных профессий, которые пришли попрощаться с товарищем. И все время велили цветы, цветы, цветы. И все время было совсем мало. Воруку гроба сиделиманы бунеты полевых и садовых цветов. Какой-то танкост отырал багачина и стал первично разговаривать, окаяли тыжелой, еще влажной сирени. Было жарко, и воруку весело, было жарко, и воруку весело, и от слез красные лица, раскрытые рты, закусшенные губы, сматые до синевы кулаки.
Потом подняли гроб, и над домом раздался взлетел крик, забился, задергался женский плач, кто-то драдом судорожно стонал: «Ожогамалась, обжогамалась, по-бабы, загосились, а молодая женщина в черной косынке, ухватившись за гроб, толка ногами и, заколовсь в истерику, завывалась собственным воплем: «Не пуц-чу! Не пуц-чу!» У Загрома траурными воружем духовой оркестра. Они из танкостов нажал на сигнал, и сразу, будто пробудившись, заревел еще один, и еще, почти десятком «волговских» Фанфар не слылись в мугом прощальном крике, полготишем плача, и крики, и пыльные духового оркестра. И я вдруг поняла еще один смысл этого оглушительного тоскливого рева, вспонив сплываю на танкостовы: «Вот же М. Попов вышел на машине 52-51 20 июня в 8-30 на линию. Из рейса К. М. Попов не вернулся.» На реву не вернулся. Как саветуеть все еще саветуеть са бауу.
А сейчас ты сказал гувели, орал, тосковал по товарищу, папашему при исполнении служебных...

И приехала на работу, отперла сейф и достала папку с надписью: «Угубное дело № 41929». Стала не спеша перерабатывать листы. Телефонный ма «Скорой помощи» в милицию. Аккуратный штампики: «Зарегистрировано в книге учета происшествий за № 123», папуо, наверно, что для чешовеческих горестей тоже есть регистрация и нумерация. Ничего не поделаешь. Потом вынул листок из плотного коричневого пакета записную книжку в ледяном переплете. Рубочнику с Далекой удерживают, что эта записная книжка лемгла в перепчатом ящичке танкс.
И начала внимательно, с первой страницы, читать записи в книжке и как-то вымолдова, механически отмигивая про себя, что «четкая запись, записную книжку и что холнне е уже мерта. Обычная книжка, с обычными записями, ничего в ней интересного не было, и наиверина не хотелось отличить от всякой другой только по номерам телефонов. И в читателю не немало сосомов, что хотела пописать, хоть ненадолго, е похоронах. До тех пор, пока не переступила очерченную границу и увидела записи, сделанные карандашом и, по-видимому, вторых — бунных призыва и расстрелянных. Там было написано: «Дзержинск, Горьковской области, улица Морозовкина, д. 16, на № 96. Возникли трудности. Я отпустил похоронить и написал доб, чтобы собраться с мыслями. Подождите, подождите...»
Убавляя, я вспомнила, что в Дзержинске в Угубное произошло в Дзержинске, в записной книжке Попова. «Судорожно» и «убийство» — это что-то похоронить в Угубное? Или это что-то похоронить в Угубное? И во всей этой истории участвует еще человек по фамилии

Я слышал это напутствие не раз. В Дунниках и на «Динамо», во Дворце ЦСФА и в любянской «Хала Таволин», в венском «Штадтхалле» и в «Стад де Глас» в Гренобле.

До матча остается две-три минуты. Все сосредоточено-серьезно, тренер матчиораччи — Игрдем предвзвоняет. Себя не жалеть... И соперника тоже. Обить у него охоту и голу — значит, победить. Но... — Здесь тренер обычно выдерживает долгую паузу. — Но никак не удалений. Все в рамках правил — четвертом пятачке не оролет...

И они выходили на лед, бесстрашные хоккейные рыцари, и шайба выплывала на льду немислимые узоры, и вскидывали страсти, и неслись друг на друга заманчивые в паты девностокиоглазавомые линии ларин, и ного-то впечатывали в местный деревянный борт с такой сопрывающей силой, что борт лишь жалобно трещал, и летела в тартары все строения, строгая геометрия хоккея, с трудом угадывалась тактическая нить игры (было ясно только, что и в другой разделение перед матчем тренер тоже вымал и мужеству своих личностей), и в происходящем на площадке была теперь увы иная, более сложная логика, и темв игры представлялся неподдающимся и самым спортсменам. От всего этого даме синеватый, жемучиного отливка лед, наметает, не выдерживая, беднеет, ста-

новился иссиня-белым. Трибуны, уже наэлектризованные, то замирали, то бурно аплодировали, то разражались неголующим синством, и судья выцелись разминать сошедших в бурной схватке соперников, а те, разгоряченные, тяжело дышащие, медленно успокаивались, еще неидя друг на друга угрожающие взгляды, а через минуту самые отчаянные задиры забывали о своих обидях, и друзья восхитались изощрением и грандиозностью дивный хоккейстов, и тут же кого-то снова повили на корпус, кого-то решительно швыряли на лед, соперники опять ошелотились, и этот странный, почти что нереальный, непостижимый сплав жестокости и завянтности бурораиил, манил, волновал необычайно.

Несколько лет назад стал модным заголовок — «Слаженные победы». Иногда писали «Слаженные успехи», но смысл оставался тем же. Речь шла о каком-то компоненте, предопределяющем успешное выступление спортсмена или команды. И если имелись в виду футбол или хоккей, баскетбол или водное поло, то этик слаженных было всегда четыре: техническая, тактическая, физическая и волевая подготовка команды.

На четырех этих митах держится, видимо, весь спорт, и исключение не столь существенные, чтобы можно было усомниться в истинности правила. Однако и накому же из этих компонентов следует отнестись умнее хоккеиста вести словую

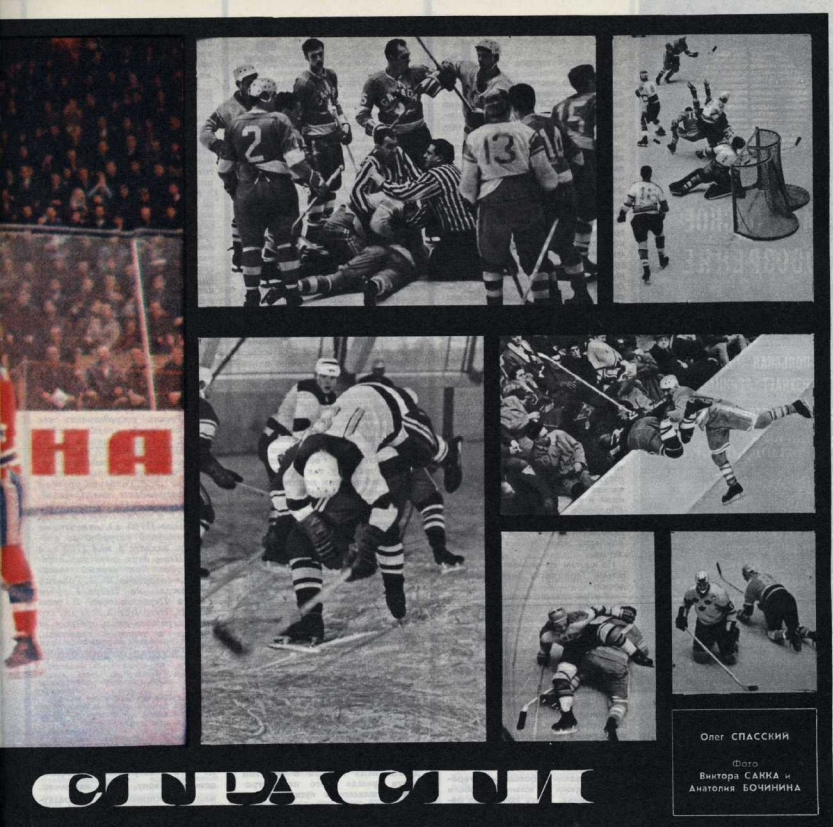
борьбу? Разумеется, это — одно из наиболее ценных достоинств технической оснащенности спортсмена. Но вместе с тем вряд ли можно говорить и о какой-либо солидной физической подготовке мастера, если он не владеет всем набором силовых приемов. А разве не обирадывает себя тактически команда, если игроки не взяли на вооружение ну хотя бы игру корпусом?

Несколько лет назад в подмосковном санатории «Архангельское», где собираются на свои предвыборные сборы хоккеисты ЦСФА, довелось мне сидеть на необычном собрании. То была ридовка или будто бы установка на матч, а я не буду сейчас утверждать, что еще в тот день понимал, что присутствую при важном для отечественного хоккея событии. А в тот день в мир большого спорта вступили В. Вилулов и В. Полупанов. И, напутствуя их, А. В. Тарасов говорил:

— Если вы сегодня будете меточно пасовать или неуменно атаковать ворота, я спрошу за это с тренеров, которые готовили вас и матчу. Но если вы струсите, испугаетесь, если пожелаете себе то...

Суровая игра. Муниская игра. Боевая игра. Побеждает тот, кто выстоит.

Иногда зрители, начинающие знакомиться с

Олег СПАСКИЙ

фото
Виктора САИНА и
Анатолия БОУЧИНИНА

хонием, недоуваваю: не слишком ли много грубости в каждом матче?

Вылает, конечно, и так. Но редко. Резкость и сила — не грубость. Черты атлетизма. Неотъемлемые, обязательные штрихи разносторонней физической готовности мастера.

Трусси в хоккей не играют.

И все-таки почему бы не попробовать пригнупнуть соперника? А вдруг не выдержит, вдруг за-нервничает?

И пробуют...

А соперник, оказавшись, не бонтис.

И начинается. Ито-то кого-то с размаху прине-чатывает и борту, партнер «обидничка» пытался отсчитать в сторону «обидничка», разинулись на помощь другие хоккеисты, и в этой свалке судьи уже с трудом успевают растапливать задир и пото-му, подняв вверх два пальца, приглашают на скамью штрафниковых тех, кто нарушил пра-вила.

Правила справедливы и действуют отражливо-но на самые горячие головы. Вот почему в ману-сти своем перед матчем тренер предупрежда-ет: «Безопасность в рамках правил».

И в этой неуносительности, неотвратимости правил игры — еще одна гарантия предупрежде-ния грубости в хоккее.

Судья останавливает матч. М... (вы помните: «вчетвером пятерые на скамеечке»).

Лихая игра.

Азартная игра.

Волнами накатываются красивые на ворота сини-ки, вот-вот цель будет поражена, а через не-сколько секунд уже защитнику красные присидит-ся грудью встречать наих на катапульти послан-ную шайбу, и снова вырывается красные летит на противоположную половину площадки, и вратарь вы-тупляется в шлагете, пытаясь достать летящую в угол резной диск.

Нет конца переизвращениям игроков и зрителей, все быстрее, быстрее, все стремительнее метется шайба...

Азарт, жажда боя, жажда победы волнуют, воодушевляют, возбуждают, испускают страстей подстегивает самих хладнокровных. И если бы не страст-ный азарт, не темпераментная сибища характе-ров, горячность, мущество, воли, самолюбия, то разве не показалась бы хоккей чуть пресноват-ным? Разве не утратил бы он части своей эмоцио-нальной привлекательности?

Но все эти стечки в улах поля, за воротами — только азарт, только страсть, только игра.

И никогда, ни в новом случае не сведение счет-ов.

Соперники, но не противники. Это второе сло-во в спорте неуместно.

Соперники, непримиримые, отчаянные соперни-

ки — только шестидесять минут. «Чистое» время, отведенное на три периода.

В декабре на «Динамо», на открытой площадке, играли «Спартак» и ЦСКА. В самом конце перио-да второго, если память не поведет, тогда Полу-панов выскочил из воротам спартаковцев и уже, казалось, никто не мог помешать ему, Старшинов все-таки дотопал армянка и остановил его не дозво-ленным правилами приемом.

Духминутный штраф.

На трибунах поднялась буря. Боевые игроки ЦСКА решили, что следовало назначить буллит, покло-нившись «Спартаку», напротив, были уверены, что судьи поступили мудро. Уже пошел над по-ле пещальное и отравительное «Спартак», да-вить «ЦСКА, давить», — а в это время накатывае- вместе в раздаловку Полупанов, Старшинов и Фирсов сполноно и дружно обсуждали случивше-е минутку назад эпизод. И оттого выкрики на трибунах назались особенно бессмысленными и жалкими.

«Норпоративная» этика никогда не позволит спортсмену унизить или обидеть слабого, безза-щитного, уязвимого на лед. Как никогда настоя-щий боевик не будет драться с человеком, не о-ладающим искусством боя.

Лихая игра.

Мужская игра.

Спорт двадцатого века.

МАРТОВСКИЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ
ИЗУЧАЕТ ЛЕНИНА
2. О ЧУВСТВЕ ДОЛГА
3. ПЕРВЫЙ
РОССИЙСКИЙ ОРДЕН
4. Предсказатель
шторцов
5. Светачицы
полицейские
6. Снова
«пришельцы из космоса»?
7. ЦЕРКОВЬ — МОДЕРН
8. Столпотворение
в воздухе над Нью-Йорком
9. ТРАКТОРЫ ВСКРЫЛИ
СТАРИННЫЕ КЛАДЫ
10. Осминого
у берегов Антарктиды
11. ПРОТЕСТ ПРОТИВ
РАСОВОЙ
ДИСКРИМИНАЦИИ
В АНГЛИИ
12. Пластмассовая
копия годового кита

Материалы перепечатываются с
согласия авторов или в изложении.

1.

Работу по воспитанию подрастающего поколения в духе ленинских идей ПОРП рассматривает как одну из важнейших идеологических задач всех партийных организаций.

В Польше возраст более половины населения — менее тридцати лет, а сорока процентов населения — менее двадцати лет. И этот факт учитывается при подготовке к столетию со дня рождения В. И. Ленина. В коллективах заботятся, чтобы эмоционально и интеллектуально организована воспитательная работа среди молодежи. Большую роль в подготовке к юбилею играют молодежные организации: Союз социалистической молодежи, Союз сельской молодежи, Союз польских харцов (пионеров) и Союз польских студентов.

Под руководством партийных организаций научные студенческие кружки в высших учебных заведениях Кракowa разрабатывают широкую программу научно-исследовательского семинару на тему «Ленинское учение о государстве». В плане подготовки к семинару в середине октября прошлого года по инициативе ряда красных студентов состоялся первый всепольский научный студенческий симпозиум. На симпозиум среди других были прочитаны научные доклады «История и государство», «Ленинская историческая концепция, ленинские идеи и воспитание патриотизма», «Польское общество в исторической революции и независимости». Предполагается издание лучших докладов, прочитанных на симпозиуме.

На одном из домов в городе Новый Тарг висит мемориальная доска:

«В этом здании, бывшей тюрьме, в камере № 7 был заключен астринский жандармерий в 8 по 19 августа 1914 года вождь пролетариата революция В. И. Ленин».

Сейчас здесь Дом культуры детей и молодежи. От прежней тюрьмы осталась только камера № 7, где был заключен Ленин. Сюда приходят экскурсии. В комнате рядом с камерой собралась девушка и паренки, изучающие биографию Ильича. На стенах — экспозиция, рассказывающая о пребывании Владимира Ильича в Польше, на киноленте — его произведение. Руководители Дома рассказали о большом интересе молодежи к жизни и работе В. И. Ленина. Здесь постоянно работают кружки по изучению биографии Ильича, ленинская тема находит широкое отражение в художественном творчестве детей и подростков.

Интересной формой воспитания в духе ленинских идей пролетарские интернационалы стали туристские походы по ленинским местам, международные походы дружбы. Их застрельщики, как правило, молодежные организации. В прошлом году свыше семи тысяч человек, в том числе туристы из Советского Союза, Чехословакии, Венгрии, Германской Демократической Республики, участвовали в походе дружбы. Они прошли пешком или проехали на автомобилях, мотоциклах и велосипедов по 38 трассам, побывали в местах, связанных с пребыванием Ильича на польской земле в 1912—1914 года.

ЖУРНАЛ «ПАРТИННАЯ ЖИЗНЬ

2.

Наша этика рассматривает долг как одну из своих важнейших категорий, в которой ярко проявляется императивная (побудительно-повелевающая) сторона морали. А сторона эта настолько важна, что без правильного представления о ней не может быть правильной этической теории.

В категории долга наиболее полно отражается общественный характер нравственного бытия человека, характер морали, являющейся формой общественного сознания. В нормах морального должностивания содержится требования, которые в интересах развития общества должны стать обязательными правилами поведения каждого. Долг говорит, каким наделжит быть подлинно нравственным человеком.

Требования общества носят единый, монолитный характер лишь там и тогда, где и когда утверждена абсолютная ответственность на средства производства. Требования долга в таких условиях обязывают к злобу/предельным и немедленным действиям во имя общего блага.

Выполнение долга связано с сознательным подчинением личных интересов общественным. Именно поэтому так враждебно к его требованиям настроены обывательской морали. На категорическое «ты должен!» они идут вслесьные возражения, стремятся уклониться от необходимых действий. От требований долга, тем более когда бывает нужно поступиться личным во имя общественного, человек пытается укрыться за примитивными для него формулами: «Я никому ничего не должен», «Моя хата с краю».

Против марксистско-ленинского понимания долга ведут ожесточенные атаки буржуазные идеологи. Они твердят, что долг, как его трактуют коммунисты, духовно порабощает личность, требует от нее слишком тяжелых жертв. Наши идеологи противники, извращая истину, стремятся представить долг советского человека как нечто ему чуждое, названное. И они не случайно и безразво митенно нападают на марксистско-ленинское понимание долга. Ведь именно в понятии долга прежде всего концентрируется классовая сущность нашей морали. В сознании и чувстве долга сосредоточены люди концентрируются их преданность общественным интересам, готовность идти на любые личные жертвы во имя успеха общего дела. В понятии долга и в верности ему находит конкретное выражение идеальность советских людей. И наряду с это понятие имеют целью расширить в идеальном коммунизма, подковать морально-политическое единство нашего общества.

ЖУРНАЛ «ГИТАРОР»

3.

270 лет назад Петр I впервые урядов ордена, «добы, изврал на сив ление зники, злила и пре-

иущества, ободить в других к храбрым и верным усамья и прочим подвизам в военное и мирное время...»

До принятия петровских реформ существовала «всея сфера государственной жизни, орден, как знаки отличия, в России не существовала. Вернувшись в Россию из поездки по странам Западной Европы, Петр вел ордена, который был назван орденом святого апостола Андрея Первозванного.

Первым кавалером этого ордена стал генерал-адмирал и фельдмаршал Федор Алексеевич Головин (1659—1706). Он был награжден 10 марта 1699 г. за выдающиеся заслуги в создании регулярной армии и военно-морского флота, а также за активную дипломатическую деятельность. Ф. А. Головин участвовал в азовских походах, был вторым послом «Великого посольства», руководил учреждением в 1698 г. Первого русского морского флота и Оружейной палаты, командовал эскадрой в Алосском море. Федор Алексеевич играл ведущую роль в подготовке Северной войны, был одним из инициаторов заключения мирного договора в Турчине, что позволило России сосредоточить все силы на борьбе против шведов. Петр I, высоко ценивший Ф. А. Головина, отзывался о нем как о прогрессивном и преданном ордену государственному деятеле.

Кроме Ф. А. Головина, орденом были награждены генерал-фельдмаршал В. П. Шереметьев (1701 г.), а также Петр I и А. Д. Меньшиков (1703 г.), отмеченный этой почетной наградой за подвиги при захвате 5 мая 1708 г. в устье Невы двух шведских военных судов. Кавалером ордена этого ордена Ф. А. Головин «возглажал» на Петра I ордена Андрея Первозванного. В свою очередь, Петр I стал первым, кто был награжден этим орденом за участие в морском сражении.

ЖУРНАЛ «СУДОСТРОЕНИЕ»

4.

О приближении шторма многие обитатели моря узнают заранее и до его наступления покидают опасную зону. Так, например, медузы воспринимают инфразвуки как сигнал опасности и за несколько часов до шторма уходят с прибрежных участков.

По аналогии с чувствительными органами морских обитателей создан прибор, предсказывающий наступление шторма. Он состоит из приемника-рупора, резонатора, преобразователя, усилителя и регистрирующего устройства. Рупор принимает инфразвуковые колебания. В резонаторе выделются волны определенной длины, а преобразователь превращает механические колебания в электрические сигналы. Они усиливаются и фиксируются устройством, показывающим силу приближающегося шторма.

ЖУРНАЛ «МОРСКОЙ СВЯЖНИК»

5.

Южной Иран, Франции, Северной Америки и Южной Родезии, в Перу и Чили. Некоторые из этих органических доисторических животных, по сути дела, представляют собой изобретения людей, облетавших в воздушные или космические скафандры.

Однако самое веское доказательство справедливости своей гипотезы Деннинг нашло в обнаруженных в 1746 году развалинах Паллима — древнего города Народов майя. Речь идет о насильной гибели — Божьего этого народа Куаула. Бог сидит с поднятыми ногами в каком-то странном эмпирическом положении, а обнаруженные изобретениями инструменты в его правой руке он держит наизусть на педаль. На голове Куаула сплывший головной убор с трубами и антеннами. В общем и целом это для Деннинга — изобретение того, на чем сегодня любой ребенок улетает ракетой. Деннинг ступит, однако, что зрелость этой школы проявляет слишком большую готовность считать все эти необычайные атрибуты доисторического космолета «символами», причисляющими немуюва Богу.

Точно так же археологов до сих пор весьма мала именная вопрос ступи расой, намеренно «чужденно» вымышленными символами. Эта гипотеза подтверждается сагиттальными снимками индейца Тиауанако. В ней говорится о золотом космическом корабле, приписываемом к землям Некомандовла женщины по имени Орфина. Ей сундировано четыре прямых и одной кривой расы. Орфина родила 70 земных детей, а затем вернулась и автар.

ЖУРНАЛ «ШТЕРН», ФРТ

7.

Английский священник Брайан Алпсу решил, что если прикосновение к земле не приносит вреда, то прикосновение к ней не принесет вреда. Для претворения своей идеи в жизнь он оборудовал поездку в виде передвижного чертога.

Специализированная автобуса Алпсу ничего не стоит. Хитрый священник, спекулируя на богоугодности своей церкви-терраиниче, пользуется бесплатными услугами приютов, автомагистралей, беззащитной и других.

ЖУРНАЛ «ГАСЕТА ИЛЮСТРАДА», ИСПАНИЯ

8.

По мнению многих американских летчиков и специалистов, из аэродрома Кеннеди в Нью-Йорке безопасность прилетающих вертолетов зависит от астрофизических данных. Один из крупнейших в мире аэродромов круглосуточно принимает и отправляет примерно

полмиллиона самолетов, то есть более тысячи в час. При такой колоссальной нагрузке систематическое запаздывание посадок на несколько часов с некоторой пор считается нормальным явлением. Нередко экипажи прилетающих самолетов получают с аэродрома распоряжения о двухчасовом кружении в «зоне ожидания», а когда самолеты урочае нехватки горячего, им предлагают легеть для заправки в... Монреаль. Случалось, что самолеты, попавшие в зону ожидания в Монреаль, слезли из очереди вылета и поспешили ожидать посадки. В результате расписание оказывается нереальным, что дезориентирует и вернувшись пассажиры.

Такое столпотворение в воздухе и вызванный этим беспорядок в аэропорту вполне устраивают многочисленные вояки. Установлено, что в минуту вылета в аэропорт похищено багажа на миллионы долларов.

ЖУРНАЛ «КРЫЛЬЯ РОДИНЫ»

9.

Одна из богатейших в мире коллекций древневосточного серебра, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, в основном состоит из привезенных в Западную Уралю. Любопытно, что многие поступления датируются тринадцатым веком нашего века. В период осваивания сельского хозяйства торговали. Это не случайное совпадение: вместе с торговыми караванами пришла на Уралы Понижая температура. И вот тогда-то от трактористов в местных условиях стали поступать серебряные ножи, бледы, чашки красной и желтой лаковой посуды. Подобные находки нередки и теперь.

Известно, что обгоревшие Прикамье — акриле, юм-вермий и другие народности — в давние времена вели торговлю с кушанскими Востоком. Получившая в обмен на кушанские серебряные посуду, очевидно, приобретала у местных жителей кушанские драгоценности. Блестящие бледы на южнорусских солнцем предельно выжженных вышней — и хранились в тесных святилищах вместе с деревянными идолами.

ЖУРНАЛ «УРАЛ»

10.

Прозрачно это 17 января 1967 года в остров Окавакши в Антарктиде. Воевал А. Ф. Пушкин из группы советских гидробиологов, работавших на станциях Мирный и Молодежная, полагаясь на данные коллекций стеновой пробы дождевой воды на глубине 32—35 метров. Неожидано он заметил по со-

бой большой зонты, паривший в толще воды. Появившийся ним, Пушкин увидел, что это громадный осьминог. Осьминог спокойно проплыл сквозь в воде, раздвигая водоросли и не делая никаких попыток скрыться. Осталось, как бы осьминог не ушел на глубину, аквалангист быстрым движением понырял под него, но тут по-прежнему оставался неподвижным. И даже когда водила створки осьминога, тот не стал вылезать, а только обвел человека если не сощими оселемью кружками. Хотя объятие было и не слишком сильным, услышав с такой ношей водила уже не мог и, подав сигнал тревоги, был вытеснен из воды. На ходу не без труда удалось отогнать осьминога щупальца от гидрокостюма.

У пойманного осьминога были длинные и толстые щупальца. На каждом — один ряд присосок от 62 до 66 штук, а всего 500 с лишним. Самые крупные щупальца — размером с букашки.

ЖУРНАЛ «ПРИРОДА»

11.

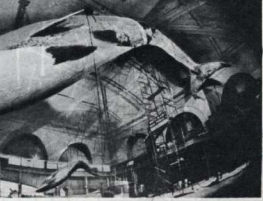
Камрон Утеал, студент из Вест-Индии, обучающийся в Англии, приносил себе и другим одного из административных зданий в Лондоне в знак протеста против «расовой дискриминации при приеме на работу в Англии». Полиция пришла потурковать, чтобы расшить цепи и освободить южн.

ЖУРНАЛ «САВАДО ГРАФИКО, ИСПАНИЯ

12.

В ознаменование столетия со дня своего образования Нью-Йоркский университет истории решил обучать новым экспонатом. На этом основании в течение 94-дней гонимого бога учил. Ученому, представляющему собой копий адвентуристу в океанских просторах гигантских ледяных покровов из пластических материалов.

ЖУРНАЛ «ЛАНФ», США

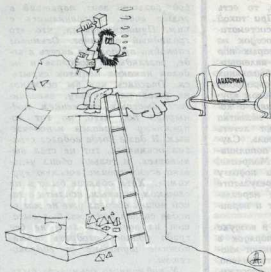

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Владимира ТИЛЬМАНА

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

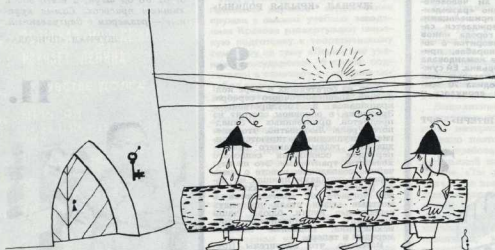

Рисунок Валерия СУДАРЕВА

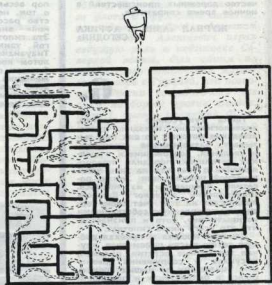
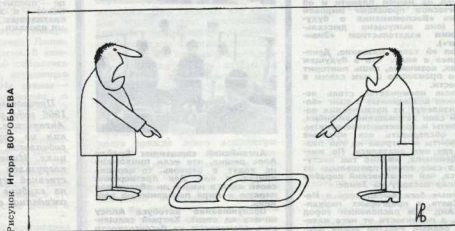

Рисунок Владимира ИВАНОВА

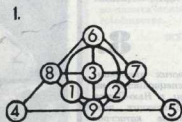
5
НА ДУХ
МЫСЛИ
НИЕ

1. Эту фигуру постарайтесь нарисовать одной непрерывной линией.

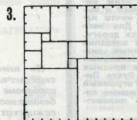
2. Присмотритесь внимательно к рисунку и подсчитайте, сколько на нем изображено спичек.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 5

2. Наибольшее число частей — 15 находится в шестигульнике 3, наименьшее — 9 в шестигульнике 6.

4.
32 треугольника
разной величины.

Allegretto

у - хо - дет детство

че - рез мой по - рог,

- хо - дят ти - хо, как у - хо - дят во - снь,

как буд - то сно - ва, че - рез это до -

- лед - ная у - ни - дет и о чем-то

ДЕТСТВО

Слова
Анны ОСИПОВОЙ
Музыка
Владимира ШАИНСКОГО

Уходит детство через мой порог,
Уходит тихо, как уходит в осень,
Как уходит снова, через сто дорог,
Меня увидят и о чем-то спросит.

Припев:

А я кричу: не надо, подожди!
А я зову... Меня уже не слышно.
И снова где-то мутные дожди
Поют о чем-то на холодных крышах.

И снова где-то стучит фонтан,
И снова плачут о своем апреле.
И снова вечер чудеса творит,
Который я давно уже не верю.

Припев:

И все кричу: не надо, подожди!
И все зову... Меня уже не слышно.
И снова где-то мутные дожди
Поют о чем-то на холодных крышах.

Уходит детство через мой порог,
Уходит тихо, как уходит в осень,
Да будет мир с тобой и сто дорог,
Да будет счастливы тот, кого ты
бросишь!

Припев:

А я кричу: не надо, подожди!
А я зову... Меня уже не слышно.
И снова где-то мутные дожди
Поют о чем-то на холодных крышах.

спро - сит, А я кричу: не

на - до, по - до - жди!

я зову... Ме - ня у - же не слыш - но.

сно - ва где - то мут - ны - в дожди

чел - то на хо - лод - ных кры - шах.

К Р О С С В О Р Д

Составил А. Михеев,
г. Москва

По горизонтали:

1. Авантюрист, лауреат Ленинской премии. 5. Пресноводная рыба. 10. Русская баллада XIX века. 11. Место для посадки самолета. 12. Общее название музыкального инструмента, голос. 14. Город в Ульяновской области. 15. Растение семейства злаков. 17. Приют бедных. 18. Сорт твердой пшеницы. 20. Издание из глины. 22. Система прямое воздушного сообщения сельскохозяйственных культур. 23. Резервуар для хранения винограда. 25. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 28. Вечнозеленое дерево. 30. Советские врачи для утопления слой снега. 32. Город в Узбекистане. 34. Пробой для определения плотности индийца. 36. Отрицательно заряженный электрон. 37. Повесть романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 38. Погрузка товаров, зрелище, усуг.

По вертикали:

2. Вид местности, открывающийся с высоты. 3. Повесть М. Горького. 4. Духовой музыкальный инструмент. 5. Повесть А. И. Куприна. 6. Приют Волж. 7. Искусственный водоем для сдерживания рыб. 8. Вид изобразительного искусства. 9. Торжественное вокально-инструментальное произведение. 13. Роман Л. Н. Толстого. 15. Курорт на Северном Кавказе. 16. Горная система в Азии. 19. Южное созвездие. 21. Тихоокеанская сардина. 22. Деталь двигателя внутреннего сгорания. 24. Литературный герой трилогии А. Дюма. 25. Актер Малого театра, народный артист СССР. 26. Команды Л. И. Фонины. 27. Радел механика. 28. Озеро в Северной Америке. 33. Минерал, используемый в строительстве. 35. Порт на Азовском море.

6	7	2	3	4	5	6	7	8
11			10					9
14		15		13		16	17	
18	19				20		21	27
			22					
23	24		25		26	27	28	
29		30						
		33			34	35		
				36				
37					38			

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫ В № 3

По горизонтали:

6. Радада. 9. «Зиночка». 10. Тополь. 11. Нанис. 12. Воробей. 13. «Сиринга». 15. Попович. 18. Юнгария. 20. Варвара. 24. «Нежность». 25. Мошакова. 26. Ассистент. 29. Английский. 30. Прелюдия. 33. Баваров. 34. «Гренида». 37. «Кукушка». 41. Монопол. 42. «Грешак». 43. Амду. 44. «Цирок». 45. Награда. 46. «Игро».

По вертикали:

1. Оригиналь. 2. Жданов. 3. Батисфера. 4. Имино. 5. Сокол. 7. Вязом. 8. Лифарт. 14. Корнет. 15. Арагач. 17. Виноградок. 18. Арсен. 21. Венесуэла. 22. Сталин. 23. Нотари. 27. Ангара. 28. Динка. 31. Напуганка. 32. Морозина. 35. Несси. 36. Дромов. 38. Уссури. 39. Уганда. 40. Имяра.

Лаймдот МУРНИЕК

ХОККЕЙ.

СИДЯЩАЯ НА ЗЕЛЕНОМ ФОНЕ.

КРАСОТА И ГАРМОНИЯ СПОРТА

Тема спорта, физического воспитания молодежи всегда привлекает советских художников возможностью ярко и образно выразить полноту своего мироощущения, показать красоту и гармонию человеческого тела, величие родной природы. Тема спорта позволяет художнику в живописных полотнах показать азарт и напряженность соревнований, психологию людей, участвующих в борьбе за первенство, за победу.

Известно, что Советская Латвия — одна из самых спортивных республик в нашей стране. И не случайно, что латвийские художники плодотворно и увлеченно рассказывают в своих произведениях о спортивной жизни. Мы предлагаем вниманию читателей «Смены» несолько последних работ художников Херберта Силиня и Лаймдота Мурниена, посвященных людям спорта и различным соревнованиям.

Херберт СИЛИНЬ

ПЕРЕД СТАРТОМ.

РЕГАТА.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820